

МИХАИЛ ХРИПИН

ВОЙНА МИРОВ ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

Михаил Хрипин

Война миров. Второе пришествие

«Издательские решения»

Хрипин М.

Война миров. Второе пришествие / М. Хрипин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740003-3

После неудачной попытки вторжения, произошедшей в Лондоне в 1892 году, марсиане снова прилетают на Землю через 30 лет. На этот раз они защищены от земных вирусов и легко захватывают Британские острова. Нападение вот-вот увенчается успехом — полным порабощением человечества. Используя научные открытия гениального английского биолога, людям удастся создать оружие, способное победить чудовищ.

ISBN 978-5-44-740003-3

© Хрипин М.
© Издательские решения

Содержание

Часть I. Бегство	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	25
Глава 7	30
Глава 8	40
Глава 9	42
Глава 10	49
Глава 11	51
Глава 12	58
Глава 13	61
Глава 14	63
Глава 15	68
Глава 16	70
Глава 17	80
Глава 18	85
Глава 19	90
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Война миров. Второе пришествие

Михаил Хрипин

© Михаил Хрипин, 2019

ISBN 978-5-4474-0003-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Бегство

Глава 1

– Будьте по приветливее, Джек, – сказала Аннет, – вы распугаете репортеров.

– По крайней мере, это вызовет у них хоть какие-то эмоции. Посмотрите, они же скоро помрут от скуки. Все ведь прекрасно понимают, что тут происходит.

Он небрежно махнул рукой в сторону кучки скучающих в углу зала журналистов и продолжил разглядывать городскую площадь. Сквозь стеклянные стены вестибюля кинотеатра было прекрасно видно памятник очередному герою войны с марсианами. У подножия памятника лежали цветы. Джеку очень хотелось думать, что их туда положили по случаю сегодняшней премьеры. У тротуара был припаркован модифицированный Бентли, недавно купленный Джеком по случаю сегодняшнего события. Дикси, личный шофер и телохранитель Джека, сидел за рулем и разглядывал проезжающие мимо экипажи. Временами его внимание привлекал очередной пыхтящий белым паром экземпляр, и тогда Дикси долго провожал машину глазами.

Так и не обнаружив на улице ничего интересного, Джек снова перевел взгляд на окружающих. Привычная картина с участием околоскинематографической публики также не обещала ничего нового. Он увидел в толпе пару знакомых критиков, изучающих афиши других фильмов. Несколько бездарных актеров шумно переругивались у барной стойки в углу. Общаться ни с кем не хотелось. Даже Аннет немного утратила часть той загадочности, которая интриговала Джека на протяжении всей совместной работы над картиной.

– Напрасно вы так. – Аннет посмотрела на Джека с укоризной. – Столько людей ждут вашего появления на экране, а вы стоите тут с таким видом, словно вам это совершенно не нужно.

Наконец Джек повернулся к ней, и на его лице обозначилось немного нарочитое удивление.

– Все-таки вы неисправимы. Я понимаю, участие в этом фильме действительно будет развитием карьеры, но неужели вы не чувствуете, что людям начинают надоедать военные драмы?

– Мне кажется, этот жанр вечен. Кому могут надоесть истории про героические подвиги, про освобождение, про...

– Вы смогли дозвониться в Лондон? – вдруг оборвал ее Джек.

– Нет. Оператор сказал, что там какие-то неполадки на линии, – Аннет поняла, что Джеку уж точно этот жанр давно надоел, поэтому несколько не удивилась смене темы разговора.

– Я тоже не смог. Хотел заказать гостиницу, но видно придется делать это после всего этого безобразия. Этот футбол... Гостиницы в столице битком забиты, вот и у телефонистов, наверное, проблемы.

Прозвенел звонок, публика в вестибюле оживилась, двери в кинозал начали открываться. Стоявшие у дверей стали расталкивать друг друга, будто имело какой-то смысл войти в кинозал непременно первым. «Какая бессмысленная возня, – подумал Джек, – все равно у каждого свое место». Он обреченно повернулся, автоматическим движением обнял за талию Аннет, и они стали продвигаться в сторону входа.

Проходя мимо афиши, Джек покосился на нее через голову Аннет. «Освобождение, – в который раз прочитал он название. – В главных ролях – Джек Ридл и восходящая французская звезда, Аннет Пети». С афиши на него смотрел темноволосый мужчина в грязной, потрепанной одежде. С героическим выражением на лице он всматривался куда-то вдаль, нижняя челюсть немного выдавалась вперед, а тоненькие усики выглядели подозрительно свежо и аккуратно. Мужчина левой рукой прижимал к себе миниатюрную рыжеволосую девушку с тонкими чертами лица и огромными глазами, излучающими отчаянную мольбу о спасении.

«Еще два часа невыносимой скуки и все закончится», – подумал Джек. Его начинало клонить в сон. Джек даже стал мечтать, как устроится в мягком кресле и впадет в целительное дремотное состояние, отгородится от всей этой надоевшей суеты. Кому как не ему было знать, что в первые пятнадцать минут тапер будет играть исключительно медленные и умиротворяющие пассажи, задремать под которые было бы настоящим наслаждением.

Сначала Джек почувствовал удар в бок, а уже потом начал различать звуки.

– Да проснитесь же вы! – оглушительно шептала Аннет. – Происходит что-то странное!

– Я же вас предупреждал, ничего приятного здесь происходить не будет, – недовольно пробормотал Джек, моргая глазами.

– Идите вы к черту со своим сарказмом. Кажется, это землетрясение.

– Что за чушь!

– Протрите глаза, люди уже волнуются. Только что был сильный подземный толчок. Его заметили все, кроме тех, кто умудрился заснуть! – она смерила его оскорбленным взглядом.

Джеку вдруг стало неловко и обидно. Похоже, что он пропустил что-то стоящее, да еще и заставил Аннет переживать эти волнующие моменты в одиночестве. Зрители и в самом деле оживленно обсуждали происходящее. Многие начинали продвигаться к выходу. Тапер больше не играл, а непонимающе озирался по сторонам. На экране, без всякого аккомпанемента, главный герой пригибаясь бежал по окопу. Земля тряслась, в воздухе плыл черный смоляной дым, резкие всполохи периодически озаряли местность.

– Успокойтесь, это спецэффекты. Я подозревал, что на Уорфилмз что-то такое должны придумать. Они просто обязаны были держать все в секрете, чтобы достичь эффекта. Иначе эта премьера действительно не стоила бы выеденного яйца.

– Позвольте вам не поверить, – ответила Аннет. Было заметно, что она немного успокоилась, и к ней вернулась ее женская непосредственность. – Каким образом можно заставить трястись целое здание?

– Я не специалист, но, согласитесь, задумка потрясающая.

– Надо как-то успокоить людей, а то эта потрясающая задумка просто сорвет сеанс.

Аннет решительно встала и набрала воздуха в легкие, чтобы сообщить зрителям что-то успокаивающее. В это время дверь в зал широко распахнулась, ввалился швейцар. Он тяжело дышал, его растрепанный вид говорил о только что пережитом потрясении. От учтиво-надменной маски, которая встречала посетителей кинотеатра, не осталось ничего. Аннет замерла на месте. Джек обернулся на шум и с интересом уставился на швейцара. Сделав пару судорожных вдохов, тот обвел зал сумеречным взглядом и просипел:

– Марсиане...

– Нет, все-таки продюсеры свое дело знают! – сказал Джек. – Какой размах!

– Марсиане! – собравшись с силами, прокричал швейцар. – Опять...

Он вдруг осел на пол и обхватил голову руками. Сидевшие поблизости зрители вскочили с мест и подбежали к нему. Швейцар больше не реагировал ни на что.

– Ничего не понимаю, – Аннет опустила в кресло и посмотрела на своего спутника.

Джек явственно ощущал душевный подъем. Выходило так, что этот проект обещал стать заметным событием, несмотря ни на что. Напрасно он его хоронил.

– Мы что же, так и будем сидеть? – неуверенным голосом спросила девушка.

– Положитесь на меня, давайте посмотрим, что будет дальше. Я уверен, что все спланировано очень грамотно. Швейцар, несомненно, несколько переигрывает, но в целом, должен признать, эффект потрясающий.

Тапер, заметивший в первом ряду Джека и Аннет, сидящих на местах и не собирающихся никуда уходить, решил наконец вернуться к работе. Кинув взгляд на экран, он мгновенно подобрал нужную тональность и заиграл подобающую действию тревожную мелодию. Зрители стали возвращаться на места. Двое человек помогли швейцару подняться, повели его под руки из зала. Дверь за ними закрылась.

На экране герой выскочил из окопа и побежал через небольшой пустырь. Вдруг в дерево, стоящее неподалеку, ударил яркий луч. Оно моментально вспыхнуло факелом, и бегущий мужчина невольно отшатнулся. На горизонте вспыхивало и искрило. Над лесом метались изломанные тени. Мужчина прыгнул в сторону, присел за перевернутым паровиком. Из-за края экрана полетели обломки штукатурки и черепицы.

В это время здание кинотеатра сотряс еще один толчок. Не очень сильный, но вполне ощутимый, на этот раз он был воспринят публикой в зале гораздо более адекватно. Пару раз хлопнули в ладоши, послышались одобрителные замечания. Джек повернулся к Аннет и слегка приподнял брови. Аннет понимающе кивнула. Получалось, что они присутствовали

при рождении новой эры кинематографа. Скука совершенно уступила место предвкушению успеха. Джек удовлетворенно сложил руки на груди.

Внезапно дверь в зал снова открылась, вбежали люди. Все зрители как по команде обернулись, чтобы не пропустить очередной момент представления.

– Они вернулись!

– Спасайтесь!

Ворвавшиеся стали бегать по рядам и трясти людей, которые должны были, видимо, поддержать их настрой и как-то отреагировать. Потрясенные зрители, однако, ограничились только наблюдением, отчего тормозившие их начали паниковать еще больше.

– Забудьте про кино! Это не шутка!

– Они уже здесь!

Секунду понаблюдав за происходящим, Джек заметил:

– На мой вкус, это перебор. Это как-то не укладывается в сценарий фильма.

В это мгновение в голове Джека словно проскочила молния. Воспоминание предстало перед ним со всей возможной отчетливостью и достоверностью. Ему даже показалось, что он снова сидит в своей гостиной. Мягкий диван и множество подушек поддерживают тело в полулежащем положении, в руках шуршит свежая газета «Лондон Телеграф», от сигары поднимается тонкая змейка дыма и, пересекая солнечный луч, растворяется под потолком. Заголовок гласит: «Неужели опять?». Джек неспешно затягивается, немного щурит глаза от дыма, начинает читать.

«Сообщаем вам, уважаемые читатели, что известный астроном, сэр Стивен Сайд, накануне совершил потрясающее открытие во время проведения очередных наблюдений планеты Марс. Сэр Сайд незамедлительно обратился к журналистам и сообщил, что им зафиксировано появление периодических вспышек на поверхности красной планеты. Астроном сразу особенно выделил тот факт, что наблюдавшиеся вспышки как нельзя более походят на таковые, предшествовавшие трагическим событиям тридцатидвухлетней давности, не нуждающимся в напоминаниях. Заявление сэра Сайда потрясло научный мир. Сейчас все астрономические обсерватории мира сосредоточили усилия на том, чтобы либо подтвердить, либо опровергнуть эти наблюдения. Все человечество вправе задать себе сейчас вопрос – «Неужели опять?». Мы будем следить за развитием событий, надеемся уже в следующем выпуске прояснить ситуацию».

– Аннет, дорогая, нам немедленно нужно уйти, – сказал Джек, когда снова обрел способность воспринимать реальность. – У меня есть одно подозрение, но я бы не хотел сейчас делать поспешных выводов. Кто из нас прав, мы выясним чуть позже.

Пытаясь сохранить самообладание, что внезапно оказалось для него трудным, Джек взял Аннет под локоть. Они стали продвигаться к выходу, стараясь не вызывать паники, шагая уверенно и не торопясь. Должно было создаться впечатление, что они покидают это мероприятие

просто из-за молчаливого несогласия с изменившейся атмосферой в зале. Когда проходили мимо одного из суесящихся людей, который только что дергал сидящего с краю за рукав, паникер резко обернулся и уставился на них полусумасшедшими глазами.

– Бежать надо, бежать! – сдавленным голосом сказал он. В его взгляде промелькнуло и одобрение, и укор, и, вместе с тем, почти полное безумие.

Чутье профессионального актера подсказало Джеку, что эти эмоции – не лицедейство. Аннет отпрянула от безумца, но Джек чуть сильнее сжал ее локоть и повел дальше. Выходы на улицу никто не догадался открыть, и только распахнутые двери, ведущие обратно в фойе, ярким квадратом светились впереди. За дверным проемом кто-то пробежал.

Они прошли уже три четверти расстояния до двери, когда сзади послышался сильный треск. Звук усиливался, переходил в грохот, заставляя рефлексивно обернуться. Их взгляду предстала картина, потрясшая неуместностью и, одновременно, неоспоримой реалистичностью. Киноэкрана больше не было, равно как и стены, на которой он висел. Рояля, стоявшего в углу сцены у самой кулисы, и сидевшего за ним тапера не было тоже. Все пространство сцены представляло собой облако пыли, напоминающее перевернутую шляпку гриба. На эту шляпку с неровно обломанного края потолка осыпались куски перекрытий. А посередине шляпки, словно с целью еще раз подчеркнуть эту аналогию, возвышался металлический столб. Он уходил сквозь пролом вниз и опирался на пол подвала. Верх столба немного раскачивался. Вверху, за краем провала, блеснула зеленая вспышка, послышался металлический лязг.

– Бежим! – закричала Аннет.

Джек волевым усилием преодолел оцепенение, и они бросились в дверь. Вокруг царил паника. Проклиная себя за нерасторопность, Джек сильнее прижал девушку и, почти поднимая ее в воздух, ринулся сквозь толпу. Ряды кресел нисколько не задерживали людской поток. Джека и Аннет бросало к стене бокового прохода, тут же снова отрывало и тянуло дальше. Доплыв до двери, почти не касаясь ногами пола, они попали в чудовищные тиски, но спустя мгновение уже очутились в вестибюле. В голове Джека мелькнула совершенно неуместная ассоциация с шампанским, рвущимся из открытой бутылки. Они были в числе первых спасшихся, и у них появилась некоторая свобода выбора.

Джек вспомнил, что на улице их ждет экипаж, и потащил Аннет к выходу. Сзади уже наступали на пятки. Через стеклянные стены был виден царящий на улице хаос. Зрелище настолько отличалось от виденного полчаса назад, что сознание стало воспринимать это как кинофильм.

На проезжей части лежал перевернутый паровик с развороченным котлом, из которого еще вырывались остатки пара. Передние колеса медленно крутились. Люди бежали в разные стороны не разбирая дороги. Над всем этим бедствием нелепо возвышалась статуя героя, смотрящего суровым взглядом на горизонт.

– Дикси! – воскликнула Аннет, указывая вперед дрожащей рукой.

Джек перевел взгляд на более близкое окружение и увидел, что их Бентли – чудесным образом пока неповрежденный – стоит у входа. Шофер, сидя за рулем, напряженно всматривается внутрь здания кинотеатра, но снаружи ему, конечно же, ничего не видно. Разбегающиеся

люди, казалось бы, совсем не замечают экипаж и, тем более, никто пока не решается им воспользоваться. Возможно, их сдерживает решительный вид Дикси, но, скорее всего, они просто ослеплены ужасом.

Один из бегущих мужчин, даже не меняя траектории, перескочил через кабриолет, словно это было досадное недвижимое препятствие. Дикси только слегка пригнулся, не отрывая глаз от входа в здание.

Не сговариваясь, Аннет и Джек побежали к выходу. Автоматический привод на дверях сработал безупречно, с легким шипением раздвинув створки.

– Гони! – с ходу крикнул Джек.

Пока Дикси переносил ногу на педаль акселератора, они с Аннет уже запрыгнули на заднее сиденье.

Разгонные электромоторы взвыли на высокой ноте, машина сорвалась с места, проскочив между двумя бегущими людьми. Использовать пар Дикси благоразумно не стал, решив, что сейчас не время для чинного соблюдения правил приличия. Звериный натиск электротяги позволительно было использовать только военным да богачам, кичащимся властью над скоростью и мощностью своих переделанных на заказ машин. Через мгновение машина спрыгнула с тротуара на проезжую часть, лавируя между брошенными колясками и фургонами понеслась прочь от кинотеатра.

Приподняв голову над бортом машины, Джек посмотрел назад. Во время прыжка он как-то машинально накрыл девушку собой. То ли сработал какой-то древний инстинкт, то ли мышечная память после множества съемочных дублей сыграла такую шутку. Теперь его спутница барахталась под ним на сиденье, пытаясь вылезти. Однако то, что он увидел на площади, заставило позабыть об их двусмысленном положении.

Посреди площади, возвышаясь метров на тридцать, стоял тренажник. Было странно видеть эту чудовищную машину в действии и сознавать, насколько далеки от реальной жизни все те бесчисленные художественные реконструкции, которыми изобиловали военные энциклопедии и исторические справочники.

Еще в школе Джек стоял с толпой мальчишек в огромном зале Музея Вторжения, в самом центре которого, под стеклянным куполообразным окном в потолке, был установлен тренажник. Он был собран по частям из нескольких оставшихся в хорошем состоянии машин и закреплен растяжками в вертикальном положении. Тогда Джек всей силой своего детского воображения представил эту машину на городских улицах, и ему стало страшно. Несколько ночей после этого его мучили кошмары, а мать успокаивала и говорила, что это все уже в прошлом, что они никогда не вернуться.

Сейчас он переживал острый приступ дежавю и в то же время испытывал в каком-то смысле гордость за себя из-за того, что детские представления о способностях этой машины оказались до такой степени схожими с действительностью.

Вероятно, тренажник только что остановился, перейдя на площадь с соседней улицы, на которую выходила задняя сторона кинотеатра. Он еще не совсем погасил скорость, две изящ-

ные ноги распрямлялись, выравнивая вертикаль, в суставах вспыхивали ярко-зеленые искры. Несколько металлических шупалец с грохотом стукнулись о ноги, свободно повисли. Башня, сверкающая рядом многогранных иллюминаторов, поворачивалась с поразительной для такой внушительной конструкции легкостью.

Треножник поднял над башней блеснувшее металлом устройство, закрепленное в короткой толстой конечности. Чтобы сохранить равновесие, ему пришлось переставить одну из ног. Она опустилась на гранитную статую героя, отчего та разлетелась вдребезги, обломки камня рассыпались по всей клумбе. Было в этом движении что-то настолько банально-символическое, этакое воплощение космической мстительности, что Джек невольно скривился.

Из небольшого экипажа на полном ходу выскочил человек, Бентли резко вильнул в сторону, уворачиваясь от столкновения. Аннет крепко приложилась головой о спинку водительского сиденья и вскрикнула.

– Простите! – крикнул через плечо Дикси.

Джек посмотрел вперед. Секунду наблюдал за мельтешением перед капотом, но не смог преодолеть искушения – обернулся. Было что-то гипнотически притягательное в гигантской марсианской машине, хотелось неотрывно следить за каждым ее движением. Наверное, то же самое испытывает несчастный кролик перед удавом в последнюю секунду жизни. Вновь переводя взгляд на чудовищную машину, Джек с ужасом понял, что устройство, которым манипулировал марсианин, направлено рифленным жерлом прямо на них.

– Как нелепо, – почему-то пробормотал Джек.

– Что происходит? – спросила Аннет, делая еще одну попытку выбраться из промежутка между сиденьями.

– Пригнитесь!

Джек бросился вниз на сиденье и обхватил девушку руками. Автомобиль еще раз резко вильнул в сторону, и Джек увидел, как в считанных сантиметрах от борта промелькнул котел грузового паровика. Как только он скрылся из поля зрения, раздался оглушительный взрыв. Бентли взлетел на воздух. Вероятно, луч попал как раз по котлу грузовика, и теперь их поднимало вырвавшимся на свободу давлением.

Дальнейшее напомнило Джеку рабочие моменты в студии, когда оператор монтажа медленно прокручивает пленку вперед, ища нужное место. Машина стала крениться в воздухе на правый бок, где сидел Дикси. Джек увидел стену соседнего дома, повернутую в неправдоподобном ракурсе, и распахнутое окно на втором этаже. В окно выглядывал какой-то парень в майке. Он медленно открывал рот. Сигарета, прилипшая к нижней губе, плавно опускалась вниз вместе с челюстью.

Окно и стена сместились в сторону, туда же проплыл край крыши, взору Джека предстало ослепительно голубое сентябрьское небо. Потом – удар. В следующую секунду Джек потерял сознание.

Глава 2

Помутнение рассудка постепенно отступало, возвращалась способность соображать. Тело, стянутое перегрузочным коконом, изнемогало от только что пережитого страшного давления. Один за другим оживали органы чувств.

Воздух снаружи кокона бы еще очень горяч, но прохладная свежая струя, продувающая его изнутри, помогала быстрее прийти в себя. Скоро отсек управления начнет остывать после выхода из атмосферы, уже слышно натужное шипение воздухопроводов, спешащих восстановить нормальный режим.

«Время на моей стороне. Я здесь, все свершилось, как и было задумано. Теперь есть только я, машина и Время, помогающее мне. Ничто меня не остановит».

Иррат открыл глаза и уставился на мутную белесую пелену кокона, державшую его в тугих объятиях. За слоем натянутой струной ткани перемигивались нечеткие цветные пятна контрольных панелей. Они ждали возвращения пилота, чтобы обрушить на него горы информации о завершении стартовых процедур. Пятна сливались в переливающееся море пугающих зеленых оттенков, говорящее, что пилоту все еще опасно покидать кокон. То тут, то там, начали всплывать из тревожной зелени красные успокаивающие островки. Многие параметры возвращались к норме быстрее других.

Иррата мутило.

«Теперь понятно, почему перед стартом нельзя и куска проглотить. Это совсем не то, что тренировочные полеты. Я испачкал бы все вокруг, мог бы даже захлебнуться. А в коконе не пошевельнешься. Как хочется пить!».

Прошло несколько томительных минут бездействия. Разминая затекшие мышцы, Иррат медленно поворачивал темноволосую голову. Широкий плоский нос терся о нежную тугую ткань оболочки. Последний опасно зеленый огонек погас, и кокон обмяк. Иррат выскользнул в щель, медленно опустился на чуть вогнутый пол. Касание было почти не ощутимо. Остаточное вращение слабо прижимало ступни к полу.

Стараясь не делать резких движений, Иррат протянул руку и ухватился за обвисшие складки кокона над головой. На панели впереди вспыхнул предупреждающий зеленый сигнал, пилот сильнее сжал пальцы. Пол вздрогнул, Иррата потянуло вниз – тело обрело привычный вес. Пол перестал дрожать, и предупреждение погасло, как только была достигнута расчетная скорость вращения. Иррат расслаблено опустился на колени. Взлет, как это ни было ужасно, прошел успешно.

Напряжение быстро отступало. Иррат вновь ощутил голод и решил восстановить силы в надежде быстрее успокоиться и сосредоточиться на своем плане. Ему потребовалось некоторое время, чтобы сориентироваться в обстановке. Еще не полностью придя в себя после перегрузок, он медленно осмотрел рубку. Бледные, крупные, широко расставленные глаза жгло от многочисленных крошечных кровоизлияний.

Он запрокинул голову и наконец обнаружил контейнер с пищей. Надежно запертый металлический ящик стоял высоко над головой. Иррат тяжело поднялся и на дрожащих ногах поплелся по периметру помещения, повторяя изгиб пола. Поверхность впереди плавной дугой уходила вверх, становилась стеной, затем потолком и также опускалась за его спиной, вновь оказываясь под ногами. В этой огромной цилиндрической камере ему предстояло прожить десятки одиноких дней. Пора было привыкать к особенностям передвижения.

То и дело инстинктивно обходя задранные люки в полу, Иррат приблизился к продуктовому ящику. Позади обвисший кокон уже переехал на потолок. Справа тянулись бесконечные приборы и панели, докладывающие о результатах диагностики бортовых машин. За переборкой, на которой были закреплены эти устройства, располагался носовой двигательный отсек, битком набитый тормозными и маневровыми двигателями, приборами контроля пространственной ориентации, камерами наружного обзора и колоссальным ударным датчиком, занимавшим весь острый нос корпуса.

Окрепшими пальцами Иррат вскрыл ящик, достал один из пакетов. Первый прием пищи на борту, вскрытие пакета, как символ первого шага на решающем отрезке пути к победе. Он с усилием откусил большой кусок от спрессованных в брикет обезвоженных листьев арры. Питьевой кран на гибком шланге торчал тут же, в углублении соседнего отсека. Иррат потянул его из гнезда, сделал несколько жадных глотков живой жидкости.

Сухая масса во рту начала впитывать воду и снова приобрела естественный железистый вкус. Листья набухли, Иррат был вынужден поскорее их проглотить, укоряя себя за забывчивость. Пережитый стресс на короткое время вытеснил опыт, полученный при подготовке к старту. Если откусить слишком много этих распухающих как губка волокон, можно закусорить глотку и подавиться. Арра впитывала в себя воду в огромных количествах, поэтому обширные плантации этого растения культивировались повсюду, спасая мир Иррата от потери влаги при рассеивании атмосферы.

Иррат дождался, пока приятное тепло сытости начало разливаться по организму, и направился к главному пульту контроля. Теперь его не беспокоили последствия стартовых перегрузок, и он шагал намного увереннее. Пройдя обратно половину окружности, он вернулся к месту крепления кокона и расположился по другую сторону прохода, в кресле пилота, чтобы лично изучить показания приборов.

Он заранее знал, что все в полном порядке, но ему нравилось смотреть, как изображения сменяют друг друга, как лаконичные пиктограммы постоянно сообщают свежую порцию технических данных. Когда он смотрел на этот калейдоскоп, на окружающую демонстрацию технического могущества, Иррату начинало казаться, что он близок к пониманию причины бедственного положения его народа. До сих пор, правда, Иррат не разгадал эту загадку, но теперь, когда у него столько времени впереди, был уверен, что найдет ответ.

Конечно, он знал историю. Она передавалась из уст в уста, ее помнил каждый, кто хоть раз, ребенком, услышал от своей матери волнующий рассказ. После постижения страшной истины детство заканчивалось. С Ирратом было точно так же. Но ему всегда казалось, что большинство упускает какой-то скрытый смысл, какой-то самый важный из подтекстов. Он предполагал, что историю невозможно было воспринять во всей полноте, потому что уже никогда им не поставить себя на место предков. Тяжесть собственного положения давила на них и не позволяла тратить время на такую роскошь, как воображение.

Пилот протянул руку к плоскости серебристого металла. Палец легко коснулся клавиши, отвечающей за выбор внешней камеры, дающей изображение для панели главного вида. Его взгляду предстала панорама за кормой. Камера была установлена строго на оси, а несложный механизм поворачивал ее в противоположную сторону, компенсируя вращение корпуса. Он видел красновато-бурую поверхность пустынь, рассеченную стрелами каналов. Кратеры покрывали большую часть поверхности, многократно наслаиваясь друг на друга. Иррат знал, что это следствие близости каменного пояса и разреженности атмосферы, не дающей незваным гостям сгорать и разрушаться на подлете.

Центр картины занимало чудовищных размеров ослепительно белое пятно, расплзающееся во все стороны. Оно покрывало уже внушительную часть поверхности, становилось все больше с каждой минутой. Выброс пара, уже полностью покрывший Вулкан со всеми его подножиями, прилегающими долинами и каньонами. Под облаком скрывалась и стартовая площадка, и город, и каналы с плантациями вдоль берегов.

Это было последнее облако, снаряд Иррата замыкал череду стартов. Разрушительный эффект от каждого взлета не позволял выполнить слишком много запусков. Величайшее искусственное сооружение на планете должно было подвергнуться капитальному ремонту, прежде чем его можно будет снова использовать для кошмарных целей. Следующий снаряд мог и не взлететь, поэтому риск был неприемлем. К тому же, экипировка сил вторжения на этот раз была значительно лучше, что вселяло уверенность в надлежащем исходе даже при участии столь малого числа боевых единиц.

Мысль о пассажирах породила очередную волну ненависти, которой Иррат поддерживал себя в последние годы. Он ткнул пальцем в клавишу выбора внутренних передатчиков. Главная панель померкла, погрузилась в сумрак, слабо подсвеченный резервными лампами. Несколько тусклых светильников располагались по всему объему грузового отсека, давая представление о расположении самых важных объектов. Выбранная Ирратом камера давала вид на главную область – ряд коконов, каплями вытянувшихся к полу под тяжестью заключенных в них спящих тел.

«Они никогда не остановятся. Только физическое уничтожение может прекратить их попытки. Любые другие препятствия не имеют для них никакого значения. Они оцениваются лишь временем на их преодоление. Как жаль, что мы оказались не способны к тому же. Это все эмоции, они погубили нас».

Иррат рывком потушил панель и закрыл уставшие глаза. Горечь сожаления вытеснила ненависть на второй план, и он погрузился в пучину воспоминаний. Это всегда помогало вернуть нужный настрой, без которого он не мыслил выполнение дела своей жизни. Но настрой почему-то не возвращался. Вместо этого Иррат вдруг почувствовал тяжелый груз безразличия и пугающее стремление устраниваться от любых дел. Он провалился в отрешенность, так и не успев задуматься над странной переменой.

Глава 3

Вторжение марсиан, произошедшее в конце прошлого века так неожиданно, и так же неожиданно захлебнувшееся, в корне изменило жизнь на всей планете. Наши неожиданные микроскопические защитники неотвратимо сделали свое дело, подарив человечеству шанс переосмыслить себя. Шанс, который некоторые скептики в то время поспешили назвать незаслуженным. Но, к счастью для всех выживших, события в мире стали развиваться совсем не так, как уже начали было представлять себе отдельные фаталисты. И развитие это оказалось настолько бурным и всеобъемлющим, что с лихвой перекрыло по масштабам то, что послужило причиной.

Осознание факта, что человечество не одиноко во вселенной, что разумная цивилизация существует максимально близко, на соседней планете, привело к тому, что в людях стало пробуждаться чувство общепланетного единства. Человечество начало постепенно мыслить о себе глобально, без привязки к странам и континентам. Конечно, инерция общественного мнения не позволяла мгновенно происходить таким революционным переменам. Однако самое важное следствие нашествия марсиан стало очевидно всем очень быстро.

Неуклонное объединение человечества начало происходить именно под давлением факта существования на соседней планете враждебной цивилизации, целью которой является порабощение соседей. Зная о присутствии могущественного, общечеловеческого врага, люди, сначала подсознательно, а затем и на законодательном уровне пришли к идее отказа от междоусобных войн. К моменту начала описываемых событий первым результатом новой политики уже стало объединение всех стран Европы в единое государство. Также уже было близко к завершению слияние в одно целое всех государств Северной Америки. Конечно, объединительные процессы не проходили гладко, во многих странах остались группы недовольных, открыто или тайно оставшиеся приверженцами сепаратистских настроений, в том числе и в старом свете.

Начавшие было укрепляться в России оппозиционные и революционные настроения быстро угасли. Уровень жизни простого населения значительно вырос, что практически уничтожило ряды противников царской власти и монархического строя. Россия начала развиваться, во многом повторяя путь Великобритании, с ее конституционной монархией и парламентом. Угроза неизбежной революции, о которой незадолго до вторжения начали писать в России, растворилась без всякого видимого следа.

Многие светила науки участвовали в изучении марсианских технологий. Изобретатели, ученые и народные умельцы всех стран получили возможность реализовать свой потенциал в условиях происходящей технической революции. Они стали сотрудниками только что образованного Института Марса и сделали множество важнейших открытий, семимильными шагамидвигающих теперь вперед мировую науку.

«Стадиум» величественной громадой возвышался над кронами деревьев. Моросил сентябрьский дождь, стены здания плавной дугой уходили в сырой туман и растворялись в нем. Мощные прожекторы в вечерних сумерках эффектно освещали элементы архитектуры, выполненной в набирающем силу стиле модерн. Три десятка лет назад здесь, на окраине Лондона, в ходе сражений образовался пустырь. После войны в этом месте заложили обширный мемориальный парк, окружив им футбольный стадион. Сейчас деревья уже вошли в пору зрело-

сти, пышные кроны соприкасались, переплетались, сливались в сплошное море колышущейся зелени.

Среди деревьев прогуливались горожане, безразличные к непогоде, многие с велосипедами. Впрочем, под листву дождь почти и не проникал. Все с интересом прислушивались к тому, что происходило на стадионе. Комментаторский голос, усиленный мощной машиной, вполне отчетливо слышался из-за стен, но часто его перекрывал рев многих десятков тысяч голосов, что вызывало бурные обсуждения в группах болельщиков, стоявших тут и там на дорожках и под деревьями. По аллеям медленно курсировали накрытые зонтами тележки торговцев. Время от времени от очередной ближайшей кучки оживленно беседующих людей отделялся какой-нибудь субъект и бежал покупать для всей компании новую порцию закусок. По мере того, как матч близился к концу, по парку распространялось нетерпеливое возбуждение. Шел второй период финала чемпионата мира, в котором играли сборные Европы и Северной Америки.

Стадион был открытым. Лучи прожекторов падали с шести сторон на игровое поле, отражались от мокрого газона, устремлялись в небо, заставляя низкие тучи слабо светиться. Двадцать два человека, хлюпающие бутсами по траве, были сейчас самыми главными. Куда главнее многочисленных членов королевских фамилий и правительств, которые вскакивали сейчас с мест и отчаянно жестикулировали, ничем не отличаясь от любого другого из тысяч разгоряченных зрителей. Медленно разворачиваясь по круговой траектории, над «Стадиумом» при полном безветрии плыла пара огромных дирижаблей, напоминающая вальсирующих китов. Наблюдать за происходящим с такой трибуны считалось модным среди новоявленных богачей.

На горизонте возникло слабое, медленно пульсирующее зеленоватое мерцание и поползло к стадиону. Яркость пятна постоянно увеличивалась. В воздухе вдруг распространился почти неслышимый гул, но тут же потонул в очередном восторженном хоре с трибун. Когда трибуны умолкли, гул услышали все, поскольку за эту секунду он сделался во много раз громче, в нем уже начал выделяться режущий ухо свист.

Рефлекторно подняв головы, удивленные зрители увидели необычное небесное явление. Та часть облаков, что служила фоном повернутому боком дирижаблю, в короткий миг прогнулась вниз, как бы стараясь прикоснуться к его баллону. Облака в этом месте вспыхнули зеленым светом и испарились. Раскаленное округлое тело вывалилось из туч и прошло насквозь начавший валиться на бок дирижабль. Баллон исчез в пламени, горящую гондолу швырнуло вниз.

Не испытав сопротивления, ослепительно яркий болид врезался в стадион, словно мяч попал в лунку, брошенный умелой рукой гольфиста. Заостренным носом, раскаленным от трения и импульсов тормозных сопел, он попал в тот сектор, где помещались правительственные ложи, и ушел в землю. Удар чудовищной силы сотряс все вокруг. По зданию пошла ударная волна, сметающая все на своем пути.

Из гулявших в парке людей смогли выжить только те, кто упал на дорожки или в канавы, переполненные дождем. Их окатило волной нестерпимого жара, хлынувшей из гигантской воронки, у многих загорелась одежда.

Возле земли некоторые несущие элементы здания выдержали, но теперь это был всего лишь ободранный могучим порывом остов. В небе висел шлейф дыма, бесконечной полосой

наклонно уходящий ввысь сквозь круглую брешь в облаках. Воздух над парком заволкло плотным туманом от испарившейся влаги. Парковые деревья загорелись, озаряя разбросанные вокруг обломки пляшущими багровыми всполохами.

Первый снаряд марсиан упал на Землю. Через минуту после удара в его недрах уже работали механизмы, методично распаковывающие части боевых машин, ожидая, когда вскроется огромная, диаметром двадцать метров, крышка в обращенном к небу днище.

Второе нашествие началось.

Глава 4

Ничего, кроме темноты, тепла и тишины. Самое прекрасное, что доводилось испытывать Джеку за всю жизнь. Никаких причин искать какие-то другие состояния, переживать иные ощущения или рассуждать о предметах, не имеющих отношения к этому уютному черному безмолвию. Казалось, цель жизни достигнута, больше не осталось в мире ничего, достойного хотя бы одной простенькой мысли или хотя бы намека на мысль.

Следующим этапом было появление пульсации. Сначала едва заметная, она невыразимо медленно набирала силу, становясь все отчетливее и привычнее. Пульсация пронизывала все пространство, задавала ритм мыслям. Без этого ритма больше не могло существовать ничего, что стремилось заполнить темноту и получить свою порцию теплоты. Тишина стала воспоминанием, и это было настолько естественно, что сразу возникло ожидание очередных перемен. И они не замедлили произойти.

Тьма поддавалась влиянию пульса и стала меняться в такт ему, рождая неясные красноватые пятна, которые перетекали одно в другое, разделялись и двигались, не подчиняясь никаким законам. Затем одно из пятен взорвалось яркой вспышкой, и Джек вспомнил, что такое боль. Теплая маленькая пульсирующая вселенная стала пылающим сгустком энергии, запертой в черепной коробке и требующей незамедлительного выхода. Но вместо крика, всех собранных в одну точку сил хватило только на стон. Он сорвался с губ легчайшим осенним листом и почти сразу испарился, рассеялся среди множества звуков, которыми оказалось наполнено все пространство.

Следующим усилием Джек разлепил веки, казалось, сросшиеся навсегда. Он лежал на чем-то мягком и ровном, не доставляющем неудобств, а над ним нависал мрачный серый потолок, весь в трещинах и потеках, который пересекали толстые трубы. В одну из труб был врезан массивный вентиль, покрашенный красно-коричневой краской и затянутый сложнейшей паутиной. Место было совершенно незнакомое.

Джек попытался сесть, но ничего не вышло, словно он просто разучился это делать.

– Не севелитесь.

Незнакомый мужской голос исходил откуда-то справа. Поначалу Джек даже не понял смысла фразы, но потом тренированный актерский слух уловил нечто характерное, и из подсознания всплыло понятие акцента. Несомненно, человек говорил на неродном языке. Джек теперь был абсолютно уверен, представителя какого народа он увидит в скором времени. Силы морским приливом возвращались, он уже смог повернуть голову туда, где был голос, отметив попутно, что постепенно восстанавливает контроль над телом и мыслями. Самой действенной силой в нем сейчас было любопытство.

Его вниманию предстал китаец средних лет, хотя Джек и поймал себя сразу на мысли, что средние лета – это что-то совершенно неопределенное в данном случае. По крайней мере, короткие волосы у человека были пока еще черными, а взгляд почти закрытых глаз цепким и насмешливым. Китаец сидел, спокойно положив руки на колени, держа спину идеально прямо, что не требовало от него, по всей видимости, особых усилий. Джек постарался, чтобы слова прозвучали максимально отчетливо:

– С кем имею честь?

Где-то вдалеке, снаружи, из-за стен послышалось слабое эхо взрыва. На собеседника это не произвело никакого впечатления, он тем же ровным тоном произнес:

– Ваши друзья зовут меня мистер Чи. Это коротко, и очень похоже на правду.

– Мои друзья? – К юмору Джек был сейчас не восприимчив.

– Маленькая храбрая мисс Аннет и вась спаситель Дикси. Вам повезло, что он был с вами. Мне тоже повезло, но чуть позже, чему я очень рад. Теперь мы здесь вчетвером. Вам пора спать.

– Но позвольте... – Джек вдруг понял, что перестал улавливать смысл происходящего.

Сухие проворные пальцы быстрым уверенным движением прикоснулись сразу в нескольких местах к голове Джека, на него снова нахлынула почти совсем ушедшая в прошлое теплая безмолвная темнота, улавливать смыслы было уже ни к чему.

Проснувшись опять, Джек ощутил, насколько легче это далось. Не спеша сразу открывать глаза, прислушался к происходящему в помещении. Он услышал шорох движений нескольких человек, чуть слышный шепот:

– Ему это точно не повредит?

– Нет, можете не переживать. Завтра он даже будет ходить.

Второй голос принадлежал китайцу, но чтобы установить обладателя первого, Джеку пришлось открыть глаза. Это оказался Дикси. Он хмуро возвышался над сидящим мистером Чи и смотрел на Джека выжидающе, но когда увидел, что тот его узнал, сразу заметно успокоился.

– Выглядишь молодцом, – сказал Джек.

– К вашим услугам, сэр.

– Где Аннет, что тут творится?

– Она в карауле.

– Карауле? Что за ерунда? Ты с ума сошел, где ты оставил ее?

– Теперь все по-другому, сэр. Сначала я тоже был против, но обстоятельства...

– Очень храбрая девушка, – вмешался в разговор китаец.

Джек уже не знал, к кому лучше обращаться. Оба они явно что-то знали, но этот неизвестный мистер Чи был воплощением спокойствия, а старина Дикси, наоборот, что-то темнил.

– Вы мне расскажете, наконец, или мне самому встать и пойти разбираться? – спросил Джек.

– В общем, сэр, если быть кратким, мадмуазель Пети руководит нашим отрядом.

– Хорошая шутка, Дик. Каким таким отрядом?

– Прошло две недели, сэр, вам многое надо узнать, но боюсь, что я не лучший рассказчик. Я вижу, вы почти оправились, так что я лучше пойду, сменю мадмуазель, а уж она все вам расскажет.

– Да уж, сделай одолжение. – Джек начинал раздражаться от всего этого балагана.

Мистер Чи с одобрительным видом кивнул, а Дикси шагнул в сторону, стало слышно, как он идет куда-то по коридору. Под его ногами хрустело битое стекло и какой-то мусор.

Оставшись наедине с загадочным иностранцем, Джек пошел в наступление:

– А какова ваша роль во всей этой комедии?

– Я врач, – ответил мистер Чи. – Мистер Дикси спас меня, и я с благодарностью попросил заняться вашим здоровьем. Ваши друзья очень обрадовались, когда я предложил это. Они очень заботятся о вас.

– Что же со мной произошло?

– Как сказали ваши товарищи, вы сильно ударились головой, когда машина перевернулась. Вы были в коме. Они не знали, что нужно делать.

– Так значит, вы вернули меня к жизни? Позвольте выразить вам искреннее восхищение вашим мастерством, мистер Чи. К сожалению, похоже, что это самое большое, что я могу для вас сделать.

– Пустяки. Это мой долг. Знания не имеют смысла, если их не применять на практике.

– Но чем вы занимались, пока не случилось... это...

– Я простой аптекарь. Мой дом в Саньхае, а сюда я приехал навестить детей. К сожалению, я оказался бессилем им помочь, я опоздал, и мне пришлось скрываться. Затем я предположил, что вокзал еще работает, послал туда, но на меня напали очень нехорошие люди, и если бы не мистер Дикси, то я был бы мертв.

– Да, Дик в своем амплуа. Я надеюсь, мне скоро объяснят, что здесь происходит, и мы постараемся помочь вам.

– Меньше говорите, больше слушайте. У вас мало сил.

Что-то отеческое было в этом замечании. Джек криво улыбнулся и посмотрел вокруг. Он лежал на каком-то топчане, вокруг были разнокалиберные трубы, вентили, манометры, на

полу валялась ветошь и пара ящиков. Джек решил, что место сильнее всего похоже на подвал большого здания, в котором были, тем не менее, такие крошечные помещения, как это. Практической цели обустройства отдельной комнатки в подвале Джек представить не мог.

В коридоре прошуршали торопливые шаги, в дверном проеме появилась тоненькая фигурка, одетая во что-то, абсолютно непотребное для девушки ее уровня воспитания. На Аннет были огромные, свисающие с пояса двумя мешками штаны без малейшего проблеска чистоты, грубо подпоясанные веревкой. Такая же безразмерная мужская рубашка с закатанными рукавами довершала почти клоунский наряд. Вероятно, Джек сильно изменился в лице, поэтому вместо приветствия он услышал:

– На себя лучше посмотрите!

– Я и рад бы, но потерял косметичку, – парировал Джек.

– А Дикси сказал, что вы по крайней мере способны повернуть голову.

С логикой у нее все было в порядке. Джек наконец обратил внимание на свой внешний вид. Он мог бы составить гармоничную пару с одеянием девушки. Элегантный костюм с модной в этом сезоне строчкой, надетый специально на премьеру, был все еще на нем, но состояние его было плачевно. Пиджак оказался той самой ветошью, брошенной на ящик в углу. Рукава когда-то белой сорочки были порваны, руки изранены, покрыты запекшимися рубцами. В носках ботинок уже не возможно будет увидеть свое отражение, хотя если бы оно там было, то Джека Ридла напоминало бы с большой натяжкой. Чего стоила одна только двухнедельная щетина, покрывающая пол-лица.

С нотой обреченности в голосе Джек сказал:

– Рассказывайте.

Глава 5

История повторялась с поразительной точностью, но приобретая на новом витке еще более грандиозный размах. Скорость, с которой марсиане овладели положением, была воистину космической. Сведения из учебников истории о том, что марсиане неторопливы, что они целые сутки ковыряются в снаряде, прежде чем выползти оттуда, оказались бесполезными. Враг учел свои ошибки, вернее, предсказал, просчитал и с какой-то машинной, неживой точностью внес коррективы во все составные части процедуры вторжения. Возможно они и ждали поначалу каких-то сигналов подтверждения успеха, но когда те не появились, все оставшееся время до последней секунды было использовано для выработки новых методов и их воплощения в новых технологиях.

Уже через несколько минут после падения, недостижимые, закованные в броню треножников, они сеяли хаос далеко от покинутых межпланетных снарядов. Люди, еще вчера с упоением восторгавшиеся новинками инженерной мысли, подстегнутой открывшимися при изучении марсианской техники знаниями, люди, которые считали себя неуязвимыми и готовыми ко всему на свете, имея в арсенале бесценный опыт выживших, все они превратились в забывшихся под диван щенков с поджатыми хвостами. Редко кто решался ответить силой, оказать сопротивление. Ни одно орудие, похоже, так и не успели развернуть в нужном направлении. Кара была мгновенной и испепеляющей.

Ему было пятнадцать, когда он увидел первый треножник. Ловкий и проворный чернокожий мальчишка не разглядел в существах, создавших эти машины, ни проклятия небес, ни посланцев преисподней. Разрушительная сила, с которой марсиане действовали с равным успехом как на окружающие предметы, так и на волю и разум людей, не вызвала в нем никакого чувства, кроме уважения слабого к сильному. Пока слабого. Довольно быстро он понял, что можно тоже стать сильным и при этом прекрасно существовать, не мешая друг другу. «Это вопрос занятия экологической ниши», как сформулировал он много лет позже, когда кошмарные захватчики уже сгнили, оставив после себя только пару заспиртованных трупов, выставленных в Музее Вторжения.

Он часто приходил в этот музей, для этого не надо было даже приезжать издалека – он давно избрал для себя Лондон в качестве наиболее приятного места обитания. Подолгу простаивал перед колбами с желтоватым раствором, из которых на него смотрели безразличные глаза. Губы самопроизвольно расплывались в улыбке, когда он думал о том, кто сейчас является сильным, а кто потерпел крах. Ведь он даже был бы согласен на раздел сфер влияния, а вышло того лучше. В те далекие дни, когда участь мира была, казалось бы, решена, в его подростковом мозгу созрел план. Приходя потом в музей, он только лишний раз убеждался в своей правоте.

«К черту морализирующих слюнтяев. – Он видел, как они вопили, прося о пощаде всех богов сразу, когда обвитые стальным щупальцем летели в корзину, словно выловленная рыба. – Только забота о собственной шкуре, только собственные, отжатые до сухого остатка правила выживания. Закон – это бесконечная паутина, заикленная сама на себе и не дающая преимущества, когда на тебя нацелен тепловой излучатель. Только рефлекс, доведенный до одноклеточного автоматизма. И только животная беспощадность в достижении цели».

Щуплый несовершеннолетний воришка, которого первое вторжение спасло от неминуемой поимки, где-то в глубине подсознания испытывал даже что-то вроде благодарности за такое пусть и странное, но все же избавление. Он получил шанс, нужно было только сделать выводы. И он их сделал, подчинив своей воле тех пацанов, которые были с ним, пока эти заведомо обреченные покорители планеты медленно протухали в своих ходячих консервных банках. А затем, пока человечество приходило в себя, ему нужно было всего лишь не останавливаться на достигнутом, оттачивая мастерство.

Сидя в доступном только для считанных доверенных прихлебателей бункере, в самом центре Лондона, в подземных этажах личного особняка, Кларк снова улыбался. Только улыбка эта была мало похожа на ту, что вызывали у него бурные выпотрошенные туши. Теперешнюю улыбку вызывала у него мысль о том, что по поверхности сейчас снова ползают живые, захлебывающиеся ненавистью и жаждущие крови, но по-прежнему обреченные на стеклянные колбы твари. И Кларк предчувствовал, что ему опять суждено выйти из этого хаоса переродившимся и еще более могущественным, нежели был вчера главарь всего преступного мира Англии.

Глава 6

Джек сосредоточенно наблюдал из укрытия, как Дикси, крадучись, короткими перебежками пересекает улицу. Луна ярким прожектором освещала сцену невероятных разрушений, раскинувшуюся куда хватало глаз. Отвесно падающие лучи почти не давали спасительной тени. Совсем рядом, в мрачной тишине входа в подвал, который бесконечно долгие две недели служил им пристанищем, затаив дыхание замерли Аннет и невозмутимый аптекарь. Скоро должен последовать условный сигнал, и каждый из них, со всей возможной точностью повторяя движения разведчика, присоединится к Дикси под чернеющими сводами полуразрушенной галереи, идущей вдоль местного железнодорожного вокзала.

Джек должен быть следующим. Профессиональным взглядом он старался схватить все особенности скрытного передвижения, мастерство которого Дикси еще сильнее отточил, исследуя каждый день окружающие развалины. Джек удовлетворенно отметил, что телохранитель адаптировался с потрясающей эффективностью. Все они рассчитывали, что навыков Дикси хватит, чтобы отряд выполнил предстоящую задачу. Каскадерские опыты Джека также могли пригодиться, но девушку и врача нужно было оберегать с особой тщательностью.

Он еще раз вспомнил последний военный совет. В одном из походов Дикси обнаружил, что на вокзале сохранились помещения продуктового магазина и, поскольку их запасы продовольствия почти истощились, склад этой лавки сразу стал для них самой желанной целью. Операцию разрабатывали с особой тщательностью. Пойти должны были все, чтобы принести как можно больше провизии и подольше не высовывать нос из подвала.

«Не высовывать нос! – в который раз нахлынуло на Джека. – Сидим здесь, как крысы в норе, а положение становится все хуже и хуже. Надо сматываться отсюда при первой возможности. Прозябание в этой конуре ни к чему не ведет. Страна больше не существует, правительства нет, армии тоже. Надо спасать свою шкуру, пока еще везет находить последние консервы и недохнуть посреди этой свалки. Должен быть какой-то способ убраться отсюда».

Джека снова свело судорогой от леденящего страха. Это чувство стало самой мощной движущей силой с тех пор, как он узнал положение вещей.

По рассказам товарищей по несчастью, за то время, пока он мучительно пытался выкарабкаться из комы под бдительным надзором мистера Чи, марсиане овладели положением со скоростью и решительностью, еще никогда никем не виданной. Жалкие попытки сопротивления тех частей армии, которые успели хоть как-то среагировать на вторжение, были для чудовищ не более действенными, чем порыв ветерка. Выжившие в первые часы нападения сходили с ума или совершали самоубийство. Дикси не раз приходилось встречать безумных, не видящих ничего вокруг существ, в которых ничто уже не напоминало людей. Они бродили среди хлама и разлагающихся трупов, пребывая во внутреннем кошмаре, каждый в своем, и помочь им было уже невозможно. Безумцы становились легкой добычей как-то мгновенно одичавших собак, сбившихся в стаи и рыскающих по округе, гонимых постоянным голодом. Это была серьезная проблема, и Дикси даже однажды лишь чудом сумел отбиться от этих новоявленных хищников. С тех пор он не рисковал уходить слишком далеко от подвала.

Изредка они видели марсиан. Ленивой поступью, чуждыми земному глазу движениями, они прохаживались по руинам и вылавливали несчастных быстрыми как удар кобры выпадами

ловчих шупалец. К счастью, передвижение треножников сопровождалось хорошо слышимым лязгом, низким гулом двигателя и зеленоватыми вспышками управляющих разрядов в трансмиссии, что позволяло успевать найти укрытие. Впрочем, имея, по всей видимости, проблемы с восприятием звуков в более плотной земной атмосфере, марсиане с поразительной хищной безошибочностью реагировали на любые движения в поле зрения. Это требовало стальных нервов от того несчастного, кто жаждал остаться незамеченным.

Скрывшись под аркой, Дикси подал сигнал, и остальные, еле слыша собственное сердце от напряжения, переправились через улицу. Попав в спасительную тень, разом испустили вздох облегчения. Теперь их прикрывают стены вокзала, можно чуть ослабить концентрацию. Сделали несколько осторожных вдохов, стали цепочкой продвигаться вглубь помещения. Через высокую, до потолка, дверь, болтающуюся на искореженном механизме автоматического привода, они прошли в мрачный зал ожидания. В вышине сверкала в лунном свете обширная паутина трещин в стеклянном куполе. Мутно подсвеченные, неподвижно стоящие колонны никогда не оседающей пыли казались такими осязаемыми, что невольно хотелось за ними укрыться. Дикси бесшумно ткнул рукой в темноту между пыльными столбами, и лазутчики поспешили к выходу на платформы, лавируя между секциями сидений, сдвинутыми с мест, разбросанными могучей силой по всему залу.

Величественная картина разрухи открылась взору, когда они оказались на площадке перед рядом платформ, уходящих вдаль из-под общего ажурного перекрытия. Будто шаловливый ребенок раскидал по путям пассажирские и грузовые вагоны, несколько открытых платформ. Они лежали, некоторые перевернутые, поперек нескольких перронов, громоздились друг на друга, как бревна, в беспорядке сваленные на землю из кузова грузовика.

Ближе всего к наблюдателям раскорячился тягач с курым хвостом из четырех платформ. Похоже, что тягач на полном ходу ворвался на вокзал, проскочил по свободному пути и вылетел через отбойник, как вылетает на берег моторная лодка. На платформах стояли намертво закрепленные, но покосившиеся от сильнейшего удара гауссовы гаубицы. Рядом, в тени платформ, лежало множество грязных мешковатых предметов. Джек напряг зрение и содрогнулся, опознав трупы солдат из орудийных расчетов. Бедняги были на посту до последнего мгновения.

«Еще один случай бессмысленного героизма», – подумал Джек. Ему стало тошно от сокрушающей безысходности этого зрелища. Где-то в животе снова начал сгущаться ледяной ком.

Аннет издала сдавленный писк. Дикси мгновенно обернулся и вытаращил в немом возмущении глаза. Белки глаз отчетливо сверкнули в приходящем с дальнего конца вокзала лунном свете. Девушка молча подняла палец и указала вверх. Рука мелко дрожала. Стараясь приготовиться к самому неожиданному, мужчины перевели взгляд к мощным витиеватым балкам, перекинутым поперек здания, рефлекторно отпрянули. На них падал самолет.

Все быстро прояснилось, но еще минуту они зачарованно разглядывали новое свидетельство человеческого бессилия перед военной мощью пришельцев. Тяжелый бомбардировщик, пораженный тепловым лучом, в неуправляемом падении зацепился обоими крыльями за перекрытия крыши и теперь дамокловым мечом висел, наполовину провалившись внутрь. Дикси убедился в относительной безопасности обстановки, отряд двинулся дальше, в сторону, вдоль стены туда, где располагалась цель операции.

Смятый нечеловеческой силой пассажирский вагон перегородил путь, Дикси остановил отряд и на всякий случай выглянул из-за препятствия. Резко отпрянув назад, привлек остальных как можно ближе.

– Мы не одни, – едва уловимо зашептал он. – У входа человек. Мне показалось – вооруженный, в этом чертовом мраке ничего толком не разглядеть. Думаю, это был блеск оружия. Надо менять тактику, это что-то новое.

«Куда уж новее, – мысленно съязвил Джек. – Все ясно, как белый день. Без этого отребья еще ни одна война не обходилась».

– Дик, это мародеры, – просипел он.

Аннет в негодовании начала втягивать в себя воздух. Китаец спокойным движением зажал ей рот ладонью и сказал:

– Этого можно было озыдать.

– Сэр, я боюсь, что нам не избежать применения силы. Это меняет все наши планы. – Дикси нерешительно посмотрел на Джека.

Что-то взволновало телохранителя, но Джек пока не понял, что именно.

– Нет смысла поворачивать назад, – стараясь говорить как можно рассудительнее, ответил он. – Нам придется с ними встретиться. Иначе они утащат все, что осталось на складе. Мы даже не знаем, сколько их там.

– Именно, сэр, а с нами девушка.

«Да, это может оказаться помехой, – подумал Джек. – Нерешительность Дика объяснима. Одному придется оберегать девушку, и тяжесть операции ложится только на двоих. Я едва оправился, а надежности китайца он не чувствует».

Рука мистера Чи уже не держала Аннет. Непредсказуемая помеха имела в ее представлении не настолько важное значение, как думали эти перестраховщики.

– Я сама с ними поговорю!

Она уже почти выскочила из-за вагона, но сильные руки Дикси дернули ее на место. Джек склонился к плотно убранному рыжим волосам.

– Какие разговоры? Это бандиты! Тебе совсем жизнь не дорога?

– Черт!

Локоть телохранителя больно врезался Джеку под ребро.

– Что еще?

Дикси смотрел за их спины. Джек обернулся – китаец исчез. От досады оба зажмурились и до скрипа сжали челюсти.

В стороне мелькнула тень, мистер Чи присоединился к ним, как ни в чем ни бывало.

– Мозно идти.

– Как вас понимать? – от неожиданности все крепкие слова вылетели у Джека из головы. Остальные молча уставились на смутно белеющее азиатское лицо.

– Надо спешить, – сказал китаец, снова исчезая за вагоном.

Осторожно выглянув следом, Дикси увидел, как тот перешагнул через лежащего на полу у двери человека, скрылся в темноте проема. Резким взмахом Дикси позвал всех за собой и двинулся вперед.

Брезгливо сморщив нос, Аннет переступила тело, пока Джек прикрывал тылы. Внутри мирно спали двое мужиков неопрятного вида, головы аккуратно склонив на грудь, спинами подпирали ящики с консервами. Телохраниль и сметливый аптекарь обшаривали полки у дальней стены.

«Так и я провалялся все эти дни, – догадался Джек. – А лекарь – юморист. Утром они проснутся бодрыми и отдохнувшими, а вот голод утолить будет нечем».

Джек осматривал конкурентов. Мрачные небритые лица, безвольно упавшие на пол руки. Штаны одного – на подтяжках, другой потолще, отощать не успел. Джека привлекли сапоги на том, что повыше ростом. Поставил для сравнения рядом ботинок, стал стягивать обеими руками сапог, долго пытался, пока тот нехотя не сдернулся. Аннет обернулась на шум.

– Опомнитесь Джек, чем вы лучше их?

– А сама ты во что одета?

– Я нашла это в подвале, разрешение спрашивать было не у кого!

– Прикажешь разбудить его?

– Мы пришли за едой, а не грабить этого несчастного.

– Не прикидывайся. Тот, на входе, был вооружен не против марсиан. Ты думаешь, он стал бы с нами разговаривать? Скажи спасибо нашему доктору, что они теперь просто спят. Наша задача – выживание. Тебе не кажется, что в сапогах по развалинам удобнее? Я бы и тебе подыскал обновку.

– Меня сейчас стошнит! С чего вы взяли, что они бандиты?

– Я не собираюсь отчитываться. Либо мы делаем общее дело и убираемся отсюда, либо я оставляю тебя вести тут гуманистические беседы.

В ярости топнув ногой, Аннет с остервенением ринулась помогать мистеру Чи. Они шарили по полкам почти вслепую, пытаясь на ощупь определить ценность находок. Заслуживающее внимание отправлялось в мешки, обнаруженные Дикси в углу под прилавком. Джек закончил с сапогами, метнулся к двери и склонился над бесчувственным часовым. Руки нашаривали по полу вокруг тела, пока не наткнулись на металл. Не разглядывая, он отправил пистолет в карман брюк. Штанина скособочилась, торчащее дуло стало при каждом шаге бить по бедру. Пришлось сунуть оружие за пояс.

В спину ткнулся тяжелый мешок, глухо брякнувший металлом. Джек схватил предназначенный ему груз, взвалил на спину. Посторонился, из темноты вывалились согнутые тяжестью фигуры. Отряд двинулся в обратный путь.

Глава 7

Иррату снился один из тех мучительных, тяжелых снов, которые донимали его все последние дни перед отлетом. В этом сне он снова был подростком, лежал, изможденный после бесконечного дня на плантации, в своем гамаке в углу барака. Он наблюдал за маленьким шилком, притаившимся на краю своей сети и демонстрирующим чудеса терпения во время охоты. Охота продолжалась сутками, и все это время крохотное создание сидело без движения в ожидании решающего броска на добычу, угодившую в невидимую плетеную ловушку.

О терпении говорила с ним сейчас и мать, сидящая рядом на ящике. Все родители старались привить детям терпение и смирение – единственное, что им осталось. Но слова матери Иррата сильно отличались от тех, что произносили другие обитатели подобных бараков.

Давно, когда Иррата еще не было на свете, а его мать была ребенком, произошла последняя, самая масштабная попытка восстания.

Как раз в ту пору, словно по странной прихоти Времени, сбылось древнее пророчество. Мессия явился среди рабов в образе низкорослой женщины, обладавшей белой кожей и необычными чертами лица. Она была захвачена во время очередного сражения с Непреклонными и долгое время жила среди рабов. Казалось, она страдает каким-то недугом, мешающим внятно говорить – издавала странные звуки, которые никто не понимал.

Мать Иррата проявила любопытство и вскоре догадалась, что женщина владеет иным языком и не понимает остальных обитателей барака так же, как они ее. Девочка решила помочь несчастной калекке и попыталась найти способ общения. После долгих мучений, девочка научилась издавать похожие звуки, и это стало моментом истины, перевернувшим всю ее жизнь. Девочка первой догадалась, что пришел предсказанный мудрецами мессия.

Мессия называла себя Амелией. Она так и не смогла выговорить имя матери Иррата, поэтому дала ей имя Эдвина. С этим именем девочка, в знак памяти об Амелии и о великой цели освобождения, прожила всю жизнь.

В своих речах женщина призывала к борьбе с тиранами. Пользуясь тем, что чудовища предприняли попытку нападения на Теплый Мир и были полностью поглощены приготовлениями, Амелия смогла сплотить рабов вокруг себя и организовать сопротивление. На заводах было множество актов саботажа, замаскированных столь искусно под несчастные случаи, что долгое время на них не обращали пристального внимания. Производительность труда упала, но близость цели отвлекала внимание чудовищ от этой проблемы.

Эдвина всюду следовала за Амелией, переводила ее проповеди и наставления, беседовала с ней о будущем, которое ждет народ после освобождения от чудовищ.

Неумолимо приближался день, назначенный для пуска снарядов к Теплому Миру. Незадолго до этого черного дня случилось еще одно необычайное происшествие. Непреклонные предприняли безумную по своей бессмысленной дерзости ответную атаку. В окрестностях города, где жила Эдвина, произошло сражение, во время которого рабы, трудившиеся на ближайшей плантации, увидели потрясшую их картину.

Когда бой подходил к неизбежному финалу, один из поврежденных треножников Непрелонных покинул поле боя и направился к плантации арры. В порыве безумной ненависти, чудовище принялось вымещать злобу на беззащитных рабах, уничтожая десятками и сотнями всех, кто попадался на глаза. Но эта бойня продолжалась недолго. Уцелевшие рабы увидели, как хромающий треножник перестал хлестать землю лучом и остановился. Из открытого люка кабины показалась человеческая фигура и начала осторожно спускаться по криво подогнутой конечности.

Ошеломленные рабы бросились к нему и обнаружили, что он с ног до головы измазан кровью мерзкого чудовища, а в руке зажат нож, с лезвия капают на песок красные капли. Эдви́на оказалась среди первых, кто приблизился к неизвестному герою. Она обратила внимание, что этот мужчина удивительно похож на другой персонаж пророчества, частично уже сбывшегося с появлением Амелии. Не было сомнений, что он и есть тот Бледный Карлик, который «сойдет с боевой машины, убив чудовище своими руками». Мудрецы не солгали.

О терпении говорила мать Иррату, приводя в пример эту часть рассказов о своем прошлом. Пример Амелии, мессии, терпеливо преодолевающей трудности общения с угнетенным народом и неуклонно идущей по намеченному самой для себя пути освобождения, был наиболее действенным. Иррат принял его как образец, по которому нужно строить свою жизнь.

Иррат проснулся и потянулся в кресле пилота. Кресло чуть слышно скрипнуло. Иррат чувствовал прилив сил и решил не терять времени понапрасну. Предстояло сделать многое, чтобы его миссия увенчалась успехом.

Сначала решил изучить показания приборов, чтобы быть уверенным в исправности бортовых систем. Привычными движениями пробежался пальцами по клавишам, выводя на панели отчеты диагностики. Стекло́нные поверхности перед ним перемигивались разноцветными символами, докладывали о положении вещей. Главная панель приняла и суммировала весь поток информации, сообщила о результате проверки короткой и точной формулировкой. Беспокоиться было не о чем. Иррат решил приступить к первому пункту плана.

За все время тренировки перед полетом, когда ему в голову вбивали навыки обращения с оборудованием снаряда, Иррата не покидала мысль, что что-то упускается. Сначала он был уверен, что от него потребуется только небольшая часть усилий, чтобы выполнить свою тайную задачу – всего лишь активировать в нужный момент замок крышки. Когда обучение было завершено, Иррат оказался в паническом замешательстве. Пилотам так и не сообщили ничего, что имело бы отношение к управлению замком. Зная чудовищный прагматизм тиранов и их расчетливость, Иррат не сомневался, что раз эти навыки не были в нем выработаны, значит не предполагается, что они ему нужны.

«Пилоты не могут открыть крышку! – потрясенно думал Иррат, когда обучение было закончено. – Коварные твари придумали что-то такое, что может сорвать мою миссию!»

Отступить было некуда. Будущие пилоты не могли проявлять инициативу, искать новых знаний. Они были пустыми горшками, в которые методично заталкивались знания огромными порциями, так что казалось, будто взорвется голова или что-то важное ускользнет из памяти, вытесненное следующей порцией. И они не могли сопротивляться судьбе. Их выбрали за определенные способности и жестоко накачивали перед полетом, не давая ни минуты лишнего отдыха.

Все, что осталось Иррату – стартовать, остаться наедине с огромной машиной, несущейся в пространстве, и использовать все отведенное для полета время, чтобы попытаться решить эту загадку собственными силами. Интуиция подсказывала, что это возможно. Новые знания о подконтрольной технике таили в себе возможность совершить нужное открытие.

«Если крышку открывает не пилот, значит это делает какой-то механизм. Что ж, у меня есть время, чтобы найти его».

Он встал и пошел к люку, чтобы проникнуть в коридор, ведущий в заднюю часть снаряда. Безошибочно сориентировался в узком длинном туннеле и скоро оказался в том месте, где установлен блок подключения кабелей, управляющих механизмом привода замка. Иррату предстояло проследить все кабели и восстановить в уме схему подачи управляющих сигналов.

Сначала дело двигалось быстро. Кабели шли вместе, аккуратно повторяя изгибы стен, обходя блоки других, не интересующих Иррата систем. Он вернулся тем же путем обратно, следя глазами и иногда рукой, чтобы не потерять след и не перепутать кабель. Иррат прошел под люком, ведущим в грузовой отсек. Перед стартом люк использовался обслугой для работы в отсеке, но когда приготовления были завершены, а груз размещен должным образом, отсек изолировали, приварив люк намертво к проему. После старта он был не нужен. После приземления – тем более.

Смотровое отверстие прикрывала сдвижная крышка. Его можно было использовать для наблюдения за отсеком своими глазами, без помощи дистанционных камер и панелей в рубке. Иррат не стал упускать случай и еще раз взглянул туда – там враги, такие беспомощные в своем принудительном сне, но и недостижимые за толстой обшивкой отсека.

Иррат взгляделся в полумрак, пошарил глазами, чтобы понять, в какую сторону смотреть на коконы. Заметил вдалеке каплевидные силуэты, висящие чуть в стороне от крепко зажатых в креплениях отсоединенных кабин пяти треножников. Ненависть снова вспыхнула в нем, чтобы насытить энергией для выполнения плана. Но не успел Иррат ощутить знакомый жар от вызываемого ненавистью возбуждения, как произошло то, что он не мог предвидеть. Слепящий спазм поглотил мозг, испепелив все мысли, оставив только боль, не имеющую физических причин. Психический шок длился бесконечную секунду, затем стал постепенно стихать, давая возможность пробиться сквозь конвульсии первым тревожным догадкам.

«Разрушитель воли!»

Иррат был потрясен. Меньше всего он ожидал чего-то подобного. С первых дней обучения мучился вопросом, как чудовища оберегают себя во время полета, будучи в состоянии искусственно вызванного сна. Иррат знал, что при подготовке нового вторжения чудовища сделали ужасные открытия, позволявшие получить контроль над разумом слуг. Это было воплощение их намерений по отношению к жителям Теплого Мира. Допущенные к обучению пилотированию снарядов видели, как на внутренних полигонах проходили испытания средства, подавляющего сознание, позволяющего создавать армию, полностью подчинив пленных людей. Несчастные рабы, снабженные заплечным устройством и защитной маской, покорно выполняли любые приказы хозяев. Иррат назвал устройство «разрушителем воли». Он был уверен, что только существо с полностью подавленной волей способно делать виденные им ужасные вещи, не оказывая при этом сопротивления.

Теперь Иррат понимал, что чувствовали несчастные. Мучения были непереносимыми, по щекам текли слезы. Он обреченно рисовал мысленные картины своего поражения, видел крушение тщательно подготовленных планов. Только полная покорность избавляла жертвы от страданий.

«Но как он действует? – Иррат постарался переключиться на трезвое размышление, заметив, что это не вызывает новых приступов. – Должно быть средство, которым оказывается воздействие на меня. Будь они прокляты, коварные твари!»

Новая вспышка заставила его скорчиться на полу коридора, под люком в отсек, скрывавший мучителей. Не такая сильная, как предыдущая, она быстрее освободила мозг, и Иррат смог обдумать происходящее.

«Это случилось, когда я проявил ненависть к ним».

Это был ключ к разгадке. Его мысли соответствовали определенным шаблонам, паттернам, повторяющимся с незначительными вариациями. Химический рисунок реакций, протекающих в его мозге, вероятно, был столь же близким к расчетному. Что-то в его организме реагировало на химический паттерн, преобразуя его в другие, уже болевые импульсы.

«Как все просто!»

Иррат должен был проверить догадку. Он начал пролистывать свою память, возвращаясь на минуты, часы и дни назад. Нужно было найти момент, когда произошли неуловимые тогда еще изменения.

Пилот расслабленно лежал на металлическом покрытии чуть вогнутого пола, погруженный в напряженную внутреннюю работу. Подстегнутое стрессом сознание, работало в ускоренном ритме, подбрасывая в топку критического осмысления все новые и новые воспоминания и факты. Скоро начал вырисовываться наиболее вероятный момент. Теперь он мог вернуться в прошлое и еще раз придирчиво проанализировать те минуты.

Вылезая из кокона после старта, он предвкушал, как приступит к выполнению плана мести. Боли тогда не было.

Чуть позже, сидя в кресле пилота, просматривая сводки отчетов бортовых систем, переключая панели внутреннего обзора, он упивался ненавистью к чудовищам, которых удалось обмануть, скрыв истинные намерения и оказавшись на борту. Боли тогда не было.

Заснув и вернувшись во сне в прошлое, он вспоминал мессию, поднявшую народ на борьбу, и Бледного Карлика, своими руками убившего чудовище. Боли тогда не было.

Только после сна, приступив к первым решительным действиям на пути к победе, он столкнулся с болью, беспощадной и непреодолимой, ставшей ответом на его ненависть. Где-то тут был изъян, Иррат чуть не потерял связи между событиями и снова вернулся к началу. Нужно найти пропущенное звено. «Разрушитель воли» действует внутри него, значит...

«Это как-то попало в мой организм. Ну конечно, я ел эти листья! Твари отравили запасы пищи!»

Иррат больше не сомневался, что причина найдена. Нужно было найти способ противостоять «разрушителю воли». Раз это пища, значит он должен был постоянно поддерживать в организме концентрацию вещества. Иначе метаболизм выводил бы отраву из него. Решение очевидно, но невыполнимо. Иррат знал, он не сможет провести все время в пути без еды.

«Нас специально не кормили перед полетом, чтобы мы поскорее добрались до ящика с пищей. Мы должны были отравить себя сами».

Рациональность и расчет чудовищ в очередной раз поразили его своей механистической точностью. Он попробовал представить, сколько времени есть в распоряжении, пока он не умрет с голоду. Сможет ли успеть завершить миссию? Он знал, что счет идет на дни. Если оставить в рации воду, можно немного оттянуть голодную смерть. Организм не может обходиться без жидкости, но несколько дней отсрочки могут стать решающими.

«Выхода нет, придется проверить это на себе».

Следующие два дня Иррат провел в страшных муках. Организм боролся с инородным веществом, но ткани очищались медленнее, чем этого хотелось. Несчастный ползал на карачках по тесным переходам, извивающимся между обшивками снаряда, пытался вычислить связи, соединяющие механизм замка с источником решающего сигнала. То и дело натываясь на ложный, а скорее всего, просто недоступный его уровню знаний путь, он рефлекторно проклинал создателей ужасной машины смерти. Реакцией на это были неминуемые приступы нервных спазмов, надолго выводящие его из строя. В такие моменты, он мог только удивляться, как виденные им рабы могли осознанно действовать во время испытаний. Наконец, Иррат пришел к выводу, что сила чувства, за которое следует наказание, влияет на силу ответной реакции. Эта догадка наполнила его гордостью. Это только подтверждало глубину его решимости. К исходу второго дня он стал замечать, что воздействие потихоньку слабеет.

Иррат был на верном пути. Осталось потерпеть еще немного, и «разрушитель воли» покинет тело, вернет моральные силы, так необходимые для сосредоточения на решении задачи. Вот только хватит ли физических сил после нескольких дней голодовки?

Все чаще давала о себе знать усталость. Иррат отдыхал в кресле пилота, возвращаясь из очередного безрезультатного похода по внутренностям технических отсеков. Жажда становилась нестерпимой. Он подумал, что обильное питье должно помочь телу справиться с очисткой. Что ж, глоток воды должен освежить и хоть немного продлить время активной деятельности.

Иррат поплелся к ящику с краном. Руки невольно потянулись к брикету сушеной арры, словно действовали помимо рассудка.

«Вот еще одно доказательство их коварства! Мы сами будем желать этой отравы, лишь бы не подохнуть с голоду. Многие ли смогут сделать решающий выбор? Многим ли покажется допустимой цена, которую потребуется заплатить за жизнь? Я никогда не позволю себе потерпеть поражение. Лучше голодная смерть».

Иррат знал ответы на эти вопросы. Только несколько человек были предоставлены сами себе наедине с «разрушителем воли». Он проникся бесконечной жалостью к летящим впереди него пилотам других снарядов.

«Смогут ли они поступить так же?»

Он отдернул руку от брикета и схватил трубку. Прохладная вода под ощутимым давлением хлынула в пересохший рот, даря немислимое наслаждение.

«Да, пожалуй, можно протянуть еще несколько дней. Но сначала надо немного отдохнуть».

Откинувшись на спинку кресла, он медленно переключал камеры, выводя на главную панель картинки окружающего мира. Зрелище было однообразное. Неровно перемигивающиеся звезды медленно плыли по стеклу панели, напоминая о колоссальной скорости, с которой приближался Теплый Мир. Иррат смирился с мыслью, что ему никогда увидеть далекую планету, но уверенность в том, что он успеет открыть крышку и покарать хотя бы несколько чудовищ, была все еще сильна. Даже такая, пусть и несравнимо менее значительная цель, была для него теперь самой желанной.

Родной, умиротворяюще красноватый мир, превратился в маленькое пятнышко, висящее в центре картинки с камеры на днище. Теплый Мир и вовсе не отличался от нескольких самых крупных звезд. Его выделяло только наличие маркера цели, неотрывно следящего за отклонением от курса. Впрочем, коррекции траектории пока не требовалось.

Иррат решил проверить, насколько удалось избавиться от отравы, и переключился на вид из грузового отсека. Он мог усилием воли избегать мыслей об отмщении, но стоило испытать, возникнет ли произвольная реакция при виде ненавистных существ. Включенная камера, однако, дала изображение из другой части отсека. Иррат увидел ровные ряды коконов, содержащих усыпленных рабов. Контуры закрепленных на спинах устройств выделялись среди складок расслабленной ткани.

Глядя на несчастных, он испытал неукротимый приступ жалости, подкрепленный собственным недавним опытом. Но в этом чувстве было что-то еще. Подсознание провело свою работу, незаметно подготовив какие-то выводы, еще не готовые всплыть на поверхность. Иррат подождал, глядя на белесые вытянутые мешки, в надежде подтолкнуть вертящиеся на краю сознания догадки.

«Они не обречены! Я своим примером доказал, что их можно освободить от «разрушителя воли», если только сумеешь избавиться от прибора, снабжающего отравой. Но кто сделает это?»

От досады на глаза навернулись слезы. Открытие неминуемо пропадет, когда он в последний раз потеряет сознание в голодном обмороке. Этого не избежать.

«Проклятое Время! Ты больше не на моей стороне!»

Иррат в сердцах ударил кулаком по панели с кнопками.

«Мерзкие твари! Это будет их последняя победа, но они одержат ее, будучи мертвыми, замороженными кусками мяса, когда я выброшу их в пространство!»

В следующий миг его настиг новый импульс парализующей боли.

Очнувшись в холодном липком поту, Иррат долго не мог вспомнить, где находится. Невидящими глазами обшарил приборы перед собой. На большой стеклянной поверхности все еще тускнела картинка с ровными рядами коконов. Память вернулась. Ошарашенный, Иррат изо всех сил пытался оттолкнуть новое понимание. Это было еще более чудовищно, но совершенно предсказуемо, теперь это ясно. Тяжесть ошибки придавила его к сиденью сильнее, чем сила вращения снаряда. Он зажмурился и попытался взять себя в руки.

«Это не пища! – подумал он. – Отрава подмешана в воду! Они перехитрили меня еще раз. Какой же я глупец! Они с самого начала знали, что без воды я не проживу. А за время, отведенное мне для голодных мук, я не смогу никак им помешать!»

Он понимал, что теперь снова обречен на долгие, тяжелые попытки перебороть влияние коварного вещества. Они снова ослабили его, но не сломили окончательно.

«Мне надо прожить как можно дольше. Даже при том, что я лишен не только пищи, но и воды. Нужно найти способ».

Он не верил, что все может быть кончено. Он слишком далеко зашел по пути мести, чтобы покориться. Выход есть, нужно набраться сил, чтобы найти его.

Вдруг он уловил оттенок восхищения в своих мыслях о чудовищах. Какой тонкий расчет – составить рацион из обезвоженных листьев, которые нельзя проглотить, не смочив водой, а воду отравить химикатом, подчиняющим волю. И если без пищи еще можно попытаться прожить какое-то время, то без воды не способен выжить никто. Это служило косвенным доказательством, что «разрушитель воли» был растворен в воде, а не содержался в спрессованных высушенных брикетах. Иррат понял, что все пилоты, стартовавшие до него, не могли избежать своей судьбы.

Они могли расценивать полет, как шанс убежать с проклятой Временем планеты, в надежде обрести каким-то чудом свободу в Теплом Мире. Но порабощенное население к этому моменту уже утратило значительную часть воодушевления, которым заразила их мессия Амелия перед тем, как покинуть обнадеженный народ в одном из снарядов. Воля к жизни перенесла тяжкие испытания годами лишений, последовавшими за подавлением восстания. Их сил было недостаточно, чтобы сопротивляться, находясь запертыми в одиночку на снаряде, летящем к неизвестности. Иррат знал – они выберут несколько лишних мгновений жизни.

Иррат был в исключительном положении все эти годы. Сейчас ему открылась истина о том великом подвиге, что совершила мать, заставив себя помнить о надежде, тайно обучая Иррата странному языку и всему, что мессия и Бледный Карлик рассказали рабам. Теперь Иррат знал, что только усилия матери поддерживают его сейчас в борьбе против «разрушителя воли». И он знал, что должен сделать невозможное – превзойти чудовищ в расчетливости и коварстве. Только тогда он сможет уверенно сказать, что выполнил свой долг.

Прошло два томительных дня. Тренированным сознанием Иррат тщательно блокировал все мысли, которые могли вызвать боль. Ему уже было нетрудно контролировать себя, заставляя думать о другом, в то время как глаза и руки делали свое дело, собирая сведения о структуре системы, отвечающей за замки крышки. Во время бодрствования он мог не опасаться внезапных приступов. Иначе обстояло дело с короткими промежутками времени, когда он позволял себе забыться сном. В последний раз разум, уставший от постоянного самоконтроля, сорвался в поток воспоминаний сразу же, как только Иррат сомкнул веки. Сон заставил его заново пережить кошмарные моменты прежней жизни, эпизод из детства, когда на его глазах чудовище в припадке безудержного гнева выместило злость на отряде рабочих, возвращавшихся с плантации. Иррат проснулся от крика. Кричал он сам, на пределе возможностей связей, оттого, что остатки отравы в мозгу наказали его за это невольное видение. Сила вспыхнувшего во сне чувства была такова, что концентрации вещества все равно оказалось достаточно, чтобы довести до беспометства.

Мучимый голодом и усталостью от постоянно ползания среди железных кожухов, трубопроводов и переплетений кабелей, Иррат продвигался к носу снаряда по ту сторону внутренней обшивки рубки управления. Носовые отсеки были единственными, до которых он еще не добрался. Все предыдущие исследования говорили, что ответ он найдет где-то здесь.

Слабеющей с каждым часом рукой он ухватился за поручень, чтобы перейти на другую сторону коридора, следуя за жгутом проводов. Ладонь ощутила сырость, он машинально отер руку о черную тунику, покрытую грязными пятнами и порванную неаккуратным движением среди механизмов. Простой жест заставил его замереть.

«Сырость! – пронеслось в голове. – Влага!»

Он нашарил рукой то место на поручне и поднес ладонь к глазам. В слабом свете фонаря блеснула мокрая красная кожа. Он коснулся пересохшими от волнения губами и тут же лизнул, отбросив все сомнения.

«Вода!»

В стремительном порыве, он бросился к закрепленному на потолке фонарю и рывком сорвал его с креплений. Обеими руками потянул за провод, выдернул его из нескольких держателей. Подтащил освобожденный светильник к поручню, напряженно взгляделся в пятно света. Луч прорезала искорка, он услышал легкий шлепок, с которым капля разбилась о скобу поручня. Несколько холодных брызг коснулись щек. Иррат положил фонарь и подставил ладонь. Спустя несколько минут сладостного неподвижного ожидания он обладал бесценным глотком чистой воды.

«Конденсат! Здесь установлен теплообменник системы охлаждения воздуха рубки, влага конденсируется на радиаторе и капает на пол!»

Иррат задохнулся от мысли, что все это время у него под носом на пол текла чистая вода. Он проклинал себя за то, что так долго добирался до этого коридора, выискивая нужный сигнальный кабель совсем в других местах.

«Воду нужно во что-то собрать!»

Он внезапно увидел раскрывшуюся перед ним перспективу. Нужно только суметь собрать это богатство и не допустить, чтобы пропала хоть одна капля. Надежда вспыхнула с новой силой.

Снова подобрав фонарь, принялся шарить лучом по стене, стремясь найти точное место, откуда срываются набухающие капли конденсата. Он без труда обнаружил место, но новое открытие опять поставило все с ног на голову. Широко раскрытыми, и без того огромными глазами смотрел он, как медленно, капля за каплей, вода вытекает из соединения трубки с ребристым резервуаром, подвешенным под потолком.

«Протечка!»

Иррат торопливо стал вспоминать, действительно ли эти трубки принадлежат охлаждающей воздух машине. Он бросился по коридору туда, откуда шла трубка, и обнаружил решетку с мощным вентилятором, направленным в рубку. Сомнений не осталось. Охлажденный трубками воздух направлялся в рубку, чтобы скомпенсировать нагрев от корпуса во время маневров двигателями.

«Система заполнена водой! – ошеломленно думал он. – В этих трубках течет обыкновенная вода, и она не отравлена. Чудовищам и в голову не пришло, что рабы смогут проявить такой интерес. Конечно, ведь они будут подавлены «разрушителем воли»! Вот еще одна победа на моем пути!»

Иррат испытал редкий эмоциональный подъем. Его мозг заработал в единственно необходимом сейчас направлении. Эту воду нужно как-то извлечь из системы. В его распоряжении не было никаких достаточно сложных инструментов, но все же следовало поискать. Простые приспособления для обслуживания важнейших элементов оборудования были сложены в шкафу в рубке, но Иррат знал, что уверенность в собственной технике заставляла монстров игнорировать возможность сложных поломок. Пилотов почти не обучали навыкам ремонта. Все, что требовалось от них, уметь заменить панель, если она перестанет показывать картинку с камеры наведения. Обязанность пилота – навести снаряд на цель и совершить посадку.

Иррат должен был испытать судьбу. Он отправился назад в рубку и начал перетряхивать содержимое шкафа.словно в лихорадке, подстегиваемый стремлением поскорее добраться до воделенной безопасной воды, прокручивал перед мысленным взором множество способов добиться результата. Найдя несколько ключей, пригодных для работы с крепежом, побежал к пищевому ящику и схватил шланг с краном. Трясущимися руками стал прилаживать один ключ за другим, примеряя и пытаясь найти решение. Оставив ящик, снова спустился в коридор и обследовал каждый клочок поверхности труб, радиаторов и непонятных блоков с регулируемыми клапанами.

Постепенно план приобрел четкую форму. Последний штрих добавили обнаруженные на тыльной стороне одного из плоских корпусов вентили, отмеченные графическими символами. Система допускала временную остановку циркуляции. Теперь настал черед Иррата менять угодованную ему участь.

Он давно не испытывал такой радости, даже наслаждения, от простого акта приема пищи. Невозможно представить, что ощущение набухающих во рту листьев арры может быть настолько всеобъемлюще прекрасным. Пилот сидел на полу коридора, под блоком управле-

ния охлаждающей системы, прижимаясь спиной к приятно холодившему разгоряченное тело металлу стены. Над ним свисал шланг с краном, прилаженный к резервному контрольному клапану.

Всего несколько минут назад Иррат принес сюда охапку легких пакетов с пищевыми брикетами. Теперь все оболочки валялись скомканные вокруг вытянутых ног. Блаженная сытость охватила каждую частичку тела, не давая пошевелить расслабленными конечностями. Никаких мыслей, только железистый привкус на языке, ставший синонимом свободы и победы.

«Теперь им меня не остановить!»

В изнеможении победитель заснул, уже в беспомощности повалившись на шуршащие пустые оболочки.

Глава 8

– Итак, слушайте меня. Теперь нет никакой другой власти, кроме той, что готовилась к сегодняшнему дню многие годы. Если хотите, думайте про этих скользких тварей в первую очередь, но я говорю вам – вы скоро поймете, что это не так. Я расскажу, откуда придет новая власть. Я расскажу, где нужно быть, чтобы остаться в выигрыше.

Сощуренные карие до черноты глаза говорившего оценили обстановку. Слушатели готовы к восприятию в нужном ключе. Нелишне и то, что настенные часы добавляют своим тиканьем долю напряженности и без того густой атмосфере.

«Самое время продолжить, не сбавлять темп», – подумал Кларк.

– Мы всегда жили для себя. Когда вокруг были законы, правила, мораль и традиции, мы всегда были в стороне. Мы всегда заходили со спины. Мы знали, где подветренная сторона. Я учил вас как не существовать. Как не попадать в списки, в статистику и в прогнозы. Когда тебя не видят, можно делать все, что угодно, все, что требует ситуация.

«Поза должна быть уверенной, – напомнил он себе. – Суетливые движения убьют замысел. Во взглядах уже чувствуется возрастающее понимание. Да, они погрузились в воспоминания, накладывают услышанное на свой личный опыт. Все так, думают они, все подтверждается. Истина обезоруживает. Теперь – связь с настоящим моментом».

– Рядом всегда были те, кто хотел разрушить наш мир и наши достижения. Мы были тенью, а тень нельзя ухватить. И сейчас они в прошлом, а мы еще здесь. Сейчас они бегут от тех, кто является просто их гипертрофированным портретом. Они увидели, что разница в масштабах мгновенно поменяла все местами. Теперь они прячутся по норам, бегут без оглядки. Пусть бегут. Мы подождем. Нам не привыкать выжидать. Мы будем выходить на поверхность, будем брать то, что нам требуется, и никто нас не остановит, потому что мы делали это всегда.

«Не упустить пик интереса. Они напряглись и готовы открыть глаза на свое будущее. Еще несколько манипуляций и они станут моими».

– Твари исчезнут, это неизбежно. И пусть они продлевают агонию, пусть отдаляют неотвратимое, но им не остаться здесь. Это закон эволюции, это химия, биология и прочая чушь. Просто верьте, потому что я говорю вам. И пусть это случится не быстро, мы выиграем и от этого. Мы станем только сильнее. И когда эти разбежавшиеся крысы вернуться, чтобы начать разгребать мусор, мы по-прежнему будем здесь. И они никогда не узнают, кто на самом деле хозяин положения. Мы позаботимся и об этом их неведении.

«Медленно взглядеться в каждого, небольшой личный контакт, как гарантия сказанного. – Могучее тело перенесло центр тяжести, приняв позу, не менее внушительную и спокойную. – Они приготовились к решающему броску, они увидели цель и осознали средства. Теперь можно закрепить результат».

– Передвигаться ночами. Только малыми группами. Контактów избегать. Собирать столько информации, сколько удержится в памяти. Брать только вещи, которые можно унести, не теряя мобильности. Создавать базы и склады распределено, избегать концентрации людей и

признаков активной жизни. Ввести строжайшую экономию во всем. Отправляйтесь и помните, что время работает на нас.

«Цель достигнута, моя армия еще никогда не была такой сплоченной и воодушевленной. – Бритая голова слегка наклонилась вперед. – Им нужно только выдержать срок, но я позабочусь, чтобы сохранить их выдержку. – Мясистые губы шевельнулись в легкой улыбке. – План начинает исполняться».

Кларк остался определенно доволен собой.

Глава 9

В пыльной и тесной подвальной каморке, лишенной окон, прохладным сентябрьским утром было тепло от разгоряченного дыхания. Не успев побросать в угол мешки с провизией, участники вылазки накинулись на первые попавшие в руки банки. Жадно глотая жуткую смесь консервированных ананасов, лососины и оливок, дочиста вылизывали пальцы и тянулись к следующей порции. В оставшейся жизни покидать убежище не хотелось ни по какой причине.

Расслабленным движением Джек откинулся спиной к стене. Щербатая штукатурка уколола между лопаток. Он принялся изучать мистера Чи. Тот расположился напротив, на перевернутом ведре. В который раз Джек обратил внимание, как странно мало складок на простой рубашке китайца. Эти национальные одеяния Джек всегда представлял себе именно такими – просторными, с частыми застежками и широкими рукавами. За всю жизнь Джек не общался близко с представителями этого народа, но то, что видел сейчас, как нельзя более красочно иллюстрировало доходившие до него сведения.

«В его присутствии даже ход мыслей как-то меняется. Успокаиваюсь я, что ли, – подумал Джек. Объект его изучения спал, сохраняя любимую строгую сидячую позу. – Хотел бы я тоже так легко отключиться».

– Сэр, могу я поделиться своим наблюдением? – спросил Дикси.

– Валяй.

– Мне кажется, вам не стоит быть таким строгим с мисс Пети, – он исподлобья глянул на Джека. – Это ваши дела, но пока вы выздоравливали, она действовала очень храбро.

– Не забивайте себе голову, Дикси, – сказала Аннет. – Я вела себя глупо, уже хотя бы потому, что нас могли услышать. Хотя вы, Джек, меня удивляете. Я не ждала от вас подобной выходки. Одно дело – еда, но снимать с человека обувь, пусть он даже, как вы говорите, бандит, это...

– Мы на войне, моя дорогая. Тебе придется с этим смириться, – сказал Джек. Спорить ему не хотелось.

– В своих фильмах вы почему-то такие роли не играли.

– В фильмах, если ты еще не поняла, вообще многое что отличается. Ты просто слишком молода.

– Ваши комплименты на меня больше не действуют. – Она, кажется, вернулась к своему обычному настроению.

«Насупившаяся девчонка, – подумал Джек. – Когда же до нее дойдет реальность происходящего? Отсюда надо драпать, поджав хвосты, а она рассуждает о морали. И теперь мне придется выслушивать ее нравоучения всю дорогу. Вот только будет ли эта дорога...»

– Сэр, я еще кое-что заметил, там, на вокзале.

– Вот чего я не пойму, это как ты ориентируешься в темноте, Дик?

– Немного тренировки... Но позвольте, я расскажу. Когда мы были около той лавки, мне показалось, я увидел вдалеке открытый люк. Я сразу подумал, что в этом есть что-то странное. Но только сейчас, поразмыслив, я понял, в чем дело.

– Что может быть странного в открытом люке, Дик?

– Он был открыт аккуратно, сэр. То есть крышка не отброшена взрывом или покорежена чем-то, а просто вынута и положена рядом с люком. Я думаю, сэр, что те парни вылезли именно оттуда. И собирались вернуться.

– Укрытие?

– Или просто подземный проход в другое место.

– Что ты предлагаешь, сходить в гости?

– Не совсем. Дело в том, что мы уже слишком долго находимся в этом подвале. Конечно, пока вы не могли двигаться, но сейчас, я считаю, нам надо искать другое убежище. Нас могли заметить. Кто угодно, хоть те же бандиты. Я предлагаю переселиться туда.

– Смело. А если там вооруженная банда?

– Этот риск не больше, чем сидеть здесь, с одним выходом наружу, и ждать, пока нас заметят. Надо уходить, сэр.

– Аннет, что ты скажешь?

– Опять вы со своими бандитами! А вдруг там такие же несчастные выжившие горожане, как и мы, и им нужна помощь? А у нас есть доктор, вы не забыли?

– Куда уж тут...

– Мистер Дикси дело говорит, – сказал мистер Чи.

От неожиданности Аннет вздрогнула. Прищуренные глаза китайца смотрели на Джека. «Интересно, он давно слушает нас? – подумал Джек. – Станный все-таки тип».

– То есть согласны все, я правильно понял?

Джек не видел смысла сопротивляться смене дислокации, тем более, что это могло приблизить то время, когда они смогут вообще покинуть этот город, эту страну, этот остров... Нахлынули воспоминания о недавнем перелете на дирижабле во Францию, куда он часто отправлялся после очередных съемок, но Джек усилием воли загнал видение поглубже. Еще миг, и эти сладкие мысли превратились бы в щемящую боль от безвозвратной утраты.

– Предлагаю выйти сейчас же. Отдохнули мы достаточно, а время очень дорого. Мы могли наделать шума, возвращаясь сюда с мешками. Эх, Дик! Скажи ты сразу, нам не пришлось бы тащить все это обратно.

– Простите, сэра.

– Главное, что ты вообще что-то заметил в этом мраке, так что не бери в голову.

Сборы были недолгими – принесенное так и лежало в мешках. Чуть посидев еще, подхватили груз и вышли из комнатухи. Мелкие обломки кирпича на полу негромко захрустели под тяжестью осторожно ступающих фигур, все тише по мере приближения к выходу на поверхность.

На этот раз повезло, добрались до места никем не замеченными. Только когда шли через зал ожидания, расположенный ближе всего к привокзальной площади, почудился отдаленный неритмичный звук. Ничего знакомого в нем не было, это насторожило, но звук удалился настолько, что исчез, так и не дав себя запомнить.

Отряд поспешил дальше. Минутой спустя уже осматривали большой круглый люк, ведущий в подземные уровни вокзала. Тяжелая чугунная крышка с круговой надписью, стоптанной до блеска бесчисленными подошвами пассажиров, действительно аккуратно лежала рядом. Под нее были подсунуты щепки, чтобы было удобнее поднять в следующий раз.

Дикси отставил мешок и сунул голову в отверстие. Затем оперся руками на края, прыгнул вниз. Неглубоко раздался шлепок приземления, затем тихий голос:

– Все чисто.

Следующей осторожно спустили Аннет, потом пожитки. Когда все мешки со скарбом оказались внизу, Джеку, оглядывавшему окрестности, пришла в голову идея. Его силуэт заслонил утренний свет в круге на потолке, и двое внизу услышали:

– А не запастись ли нам поплотнее?

– Что вы хотите, сэра?

– Джек, только не говорите, что вы решили сходить еще за одной парой сапог!

– Уверяю тебя, что буду держать себя в руках. Мы с мистером Чи сейчас быстренько сходим туда и набьем еще один-два мешка. Мне совсем не хочется возвращаться сюда в третий раз. Дик, побудь здесь с Аннет да оглядись получше, что там у вас внизу.

Джек выпрямился.

– Простите, мистер Чи, что не спросил сначала у вас. Так вы не против пройтись по магазинам?

Китаец кивнул и первым направился к двери. Джек догнал его двумя шагами, и скоро их силуэты уже мелькнули по ту сторону огромных, во всю стену, витрин.

Солнце только взошло. Причудливые тени от нагромождения вагонов и обтекаемой машины бомбардировщика лежали на кирпичных стенах. Мелькая в косых лучах, бьющих через витрину, торопясь и роняя взятые с полок банки, они набивали последнюю пару мешков всем, что попадалось под руки. Взгляд Джека остановился на небольшом ящичке рядом с каской. Он взял его в руки, повертел. Переносной радиоприемник на тонком кожаном ремешке был цел и невредим, ни один посетитель, побывавший здесь с момента начала войны, так и не заинтересовался им.

«Ну да. Сначала пища для желудка, потом остальное. Да и зачем кому-то этот бесполезный теперь хлам?» – Пальцы Джека машинально прикоснулись к рычажку выключателя.

– ...нас слышит! Всем, кто нас слышит... – оглушительный крик вырвался из динамика приборчика, рванулся наружу, эхом поскакал по безлюдным просторам вокзала, потонул в беспорядочной трескотне помех. Джек дернул регулятор громкости, сердце бешено заколотилось. Он посмотрел на мистера Чи и встретился с вопросительным взглядом.

– Это нам пригодится. Кто-то способен еще выходить в эфир. Давайте поспешим к нашим и расскажем, – сказал Джек. Ремень приемника он перекинул через плечо и переместил коробочку за спину.

Они схватили мешки и шагнули к выходу. Грязная лохматая собака, пригнув голову, стояла над бесчувственным бандитом. Она оскалилась, приготовилась защищать добычу. Путь был отрезан. Зверь зарычал. Джеку не осталось ничего другого, кроме как вытащить из-за пояса пистолет. Одичавшее животное напряглось, приготовилось к прыжку. Выстрел разорвал напряженную тишину, отдача рванула руку назад. Пуля прошла собаку навывлет, и та рухнула на лежащего человека, облезлый хвост дернулся и замер. Усыпленного китайцем бандита даже выстрел не разбудил.

– Скорее! – крикнул Джек.

Наделав столько шума по своей вине, он испытывал единственное желание поскорее покинуть это злополучное место. Они выскочили из дверей и повернули к спасительному люку. Но было уже поздно.

Со стороны привокзальной площади донесся механический звук. Неритмичные, беспорядочные удары металла почти сливались в сплошное тарахтенье, к которому примешивался рык двигателя. Последовал сильный удар о твердое препятствие, часть стены со стороны зала ожидания обвалилась, вспучив клубы пыли, взлетевшие до потолка.

Странная, невиданная машина предстала перед изумленными напарниками. Длинный, сверкающий в утреннем солнце корпус поддерживается множеством ног, которые быстро переставляются независимо друг от друга, чем рождает тот самый неровный шум. Машина напоминает приземистого многоногого жука, голова которого прикрыта щитком из темного стекла. В хвостовой части возвышается суставчатая опора, держащая перекошенное набок устройство. Оно безвольно свисает раструбом к земле, поврежденное во время прохождения через дыру в стене, в суставе слабо искрит. Между кабиной и опорой виднеется куча переплетенных клубком труб или толстых кабелей. Все это быстро покрывается слоем пыли, медленно оседающей после вторжения машины.

Марсианское происхождение машины не вызвало сомнений, Джек сразу уловил в ее конструкции много общего с тренажерами. Но спутники чудовища оказались поистине удивительными. По обе стороны от машины не торопясь выступили из провала неясные сначала фигуры. Неуклюже передвигаясь, они догнали машину и замерли в красноватых рассветных лучах, будто специально давая возможность себя рассмотреть. Гуманоидные существа, скрытые за металлическим каркасом, в промежутках между деталями которого проглядывает красноватая кожа. Нижняя часть головы охвачена респираторным приспособлением, за спину отходят гибкие шланги. Над маской поблескивают ничем не прикрытые, большие округлые глаза. В согнутых руках зажато оружие с коротким стволом.

Тяжелое тело навалилось на Джека, сбросило на рельсы с края перрона – мистер Чи среагировал без промедления. Мешки с добычей остались лежать у дверей лавки. Проклиная себя за жадность, приведшую их сюда, Джек стал пробираться вдоль грузовой платформы.

«Нам не добраться до люка. Он как ладони, и нам придется вылезти наверх».

Джек перешагнул через труп артиллериста и остановился. Мелькнула догадка – наверху, на платформе, стоят гаубицы. Он дернул мистера Чи за рукав и зашептал:

– Нам придется принимать бой. Это безумие, но они нас все равно обнаружат. Глупо просто ждать этого. Вы умеете стрелять?

– Я стрелял из пистолета.

– Держите его, я попробую использовать эти пушки над нами. Мне доводилось их видеть раньше, возможно, они еще работают. Это даст нам шанс.

Лязг механического жука раздался вновь. Машина медленно приближалась.

– Я отвлеку их, – сказал китаец и полез под вагон. Он решил отойти как можно дальше от Джека, чтобы хоть как-то рассеять внимание врагов.

Джек осмотрелся, прикинул, как половчее забраться на платформу. Ему показалось, что машина сменила направление – неторопливые шаги слышались теперь со стороны. Джек догадался, что машине преградил дорогу тот самый пассажирский вагон, за которым они укрывались этой ночью.

«Обходит его с другой стороны, это мне на руку».

Грохнул пушечный выстрел. Джек рванулся наверх, схватился за поручень. Пушка была перед ним. Выглянув из-за нее, увидел, что марсианская машина почти обошла преграду, но кабина еще повернута в сторону.

«Молодец китаец!»

Джек скользнул глазами по гаубице. Она была совершенно цела. Опыт участия в военных фильмах не пропал даром. Джек знал, где у этого оружия элементы питания, помнил, как наводить на цель, где рычаг пуска. Он рванул на себя турель, обеими руками вцепившись в

рукоятки наведения, она легко развернулась. Затем замкнул контакты, и разгонные катушки на стволе слабо загудели. Батареи сохранили заряд, лента в затворе, осталось только выстрелить.

Из-за вагона показались гуманоиды. Под прикрытием могучего спутника они обследовали местность. Шланги поблескивали металлом при каждом повороте голов. Наружный каркас сгибался в суставах, повторяя движения ног и рук. Джек принял решение. Ствол чуть сдвинулся, прицел поймал группу шагающих фигур. Пушка с огромной скоростью послала снаряд, мгновенно перезарядилась. Механизм сработал безупречно. Сбитые с ног, тяжелые вражеские солдаты повалились на перрон, загрохотали железом. Защитные каркасы сложились, приняв совершенно одинаковые позы под действием какой-то автоматики. Теперь они напоминали свернувшихся калачиком спящих детей, головы выступали наружу и не шевелились.

Не пытаясь объяснить увиденное, Джек сделал еще один выстрел по другой группе, с тем же успехом, пока большая машина поворачивала корпус в его сторону. Мелко семенили ноги под днищем, натужно справляясь с разворотом на месте. Корпус зацепил вагон, машину шатнуло в сторону. Суставчатый кронштейн в хвосте машины дернулся, но боевое устройство было выведено из строя.

Джек пригнулся, выглянул из-за пушки. Бегло оценив обстановку, решился еще на один выстрел, уже по огромному жуку. Все гуманоиды были повержены. Крови или, тем более, оторванных конечностей Джек нигде не обнаружил. Это была более чем странная реакция на разрыв гаубичного снаряда. Но анализировать некогда, пальцы надавили спусковой рычаг.

Механического жука бросило назад, ноги заскрежетали по каменному покрытию. Удар пришелся в лобовую броню, и снаряд срикошетил. Джек приготовился к повторному выстрелу, решив целиться в ноги, но последовавшие тотчас действия машины заставили его повременить. Машина не собиралась атаковать. Почуввав, вероятно, уязвимость положения, марсианин решил ретироваться и одним толчком послал механическую тушу за вагон. Джек увидел над крышей вагона покачивание бесполезного оружия.

Скрытая преградой, машина остановилась. Над вагоном вспучилось и засверкало свободными от пыли участками переплетение труб, лежавших в кузове. Они извивались, выпрямлялись, появлялись над краем крыши, снова уходили вниз. Резкими движениями, подходящими больше осьминогу или кальмару, клубок гибких ног и щупалец переместился к лежащим солдатам и стал собирать их. Каждое щупальце хватало одного гуманоида, как подбирают упавшую на землю вещь, сворачивалось и прижималось к корпусу железного паука.

Тел оказалось больше, чем могла подобрать эта конструкция. Она скрылась из виду и взгромоздилась на своего носителя, закрепилась в кузове. Бронированная машина направилась к пролому, хорошо видимому теперь позади.

Джек, не раздумывая больше ни секунды, выстрелил вслед, но не попал. Это уже не имело значения, скорее, просто акт выражения превосходства над обращенным в бегство противником. Микроскопическая победа, одержанная по чистой случайности, но неожиданно придавшая сил человеку, который уже почти смирился с судьбой. Казалось, на этот последний рывок было потрачено слишком много сил.

В стороне мелькнула тень, и Джек увидел мистера Чи, идущего обратно с пистолетом в руке. На лице китайца читалось удовлетворение. Он остановился и сказал:

– А мешки лучше забрать. Нас узе здут.

Не в силах ответить что-либо членораздельное, Джек с трудом перевалился через борт платформы на перрон, чувствуя, как нервное напряжение почти лишает его контроля над телом. Он поплелся за мешками, но поднять не смог. Даже болтающийся за спиной радиоприемник ощущался непосильной ношей. Китаец проявил наблюдательность и проговорил:

– Вы есе очень слабый, я сам понесу.

– Спасибо, – прошептал Джек и потащился следом.

Сбросив вещи в люк, мистер Чи подстраховал Джека, пока тот спускался вниз, затем легко прыгнул следом. Темнота подземелья вызвала у Джека резкую потерю ориентации, голова закружилась, он повалился на пол.

Глава 10

Погожим сентябрьским утром, петляя между кустами, растущими вдоль железнодорожного полотна, торопливо шагал человек.

На вид – лет шестьдесят, седые волосы по краям лысины в беспорядке, мятый пиджак хранит следы неудачных падений. Брюки на коленях вытянуты и засалены, как будто человек только и делал, что сидел и вытирал об них руки. Карманы пиджака пухнут от мелко исписанных бумажных листков разного калибра и даже цвета.

Человек постоянно озирается, вздрагивая от каждого шороха, иногда останавливается и подолгу стоит, будто ждет чего-то. То и дело поправляя очки, диоптрий которых хватило бы разжечь костер, он невнятно бормочет или, вдруг затихнув, кивает невидимому собеседнику.

За подкладку завалилась давно не нужная визитная карточка. На ней, рядом с вытертой фотографией, написано: доктор биологии, профессор Персифаль Уотсон.

Не так давно – уже светало – он вышел к переезду по дороге, ведущей от научного городка. Организованный как биологический филиал Института Марса, городок из нескольких просторных современных корпусов был построен десяток лет назад, и до последнего времени научная жизнь кипела в нем круглосуточно. Особым предпочтением это место пользовалось у заслуженных деятелей науки, людей в возрасте, которые, помимо удобного места работы, находили здесь еще и изумительную природу. В дубовых рощах неподалеку от городка не стихали оживленные споры об эволюционном развитии шестнадцати щупалец или о влиянии атмосферных различий на качество зрения марсиан.

Но шумные сборища на газонах были не для профессора. Только в уединении мог он рассчитывать на максимальную концентрацию, а с возрастом она стала требоваться все чаще.

Уотсон был в числе первых, кто исследовал доставшееся человечеству богатство. Бактерии, вирусы, микробы, спасшие планету, навсегда стали его единственной страстью. Тогда все было революционным, океан открытий – безбрежным. Ему часто не удавалось заснуть несколько суток напролет, потому что шквал новых решений и захватывающих перспектив заставлял использовать каждую секунду не только рабочего, но и личного времени.

Многие из тех первых исследователей остались его лучшими друзьями на всю жизнь. Они занимались разными сферами исследований – теорией межпланетных перелетов, микробиологией, химией, теплоэнергетикой. Но их навсегда объединили лихорадочные, пьянящие чувства первооткрывателей новой эпохи в жизни человечества. Многие уже ушли, но те, что еще остались в строю, с горечью наблюдали, как в науку приходит все больше шарлатанов и проходимцев, стремящихся обессмертить себя. Чтобы не видеть их лиц, профессор подолгу не выходил из своего кабинета.

Сейчас он спешил за помощью к давнему другу. Только на него Уотсон еще мог надеяться, на этого отшельника, скрывшегося ото всех, кто не хотел слушать его пророчества. Слабо разбираясь в географии, Уотсон выбрал вернейший способ добраться к другу, ведь он точно помнил, что железная дорога проходила недалеко от замка. Рисковать идти лесом он не имел права. Продираться через чащу без карты и компаса в его возрасте было бы сумасброд-

ством. По рельсам – длиннее и дольше, но расстояние не имеет значения. Имеют значение только бумаги в кармане мятого пиджака. Бумаги, ради которых нужно выжить.

Сотня светлейших научных умов истово молилась сейчас за Персифаля Уотсона. Там, в корпусе биотехники, который небрежно пощадил случайный марсианин, сейчас могли думать только о его будущем успехе – так он успокаивал себя.

Здравый смысл взял верх, и они выбрали его – так казалось ему, когда он отправился в путь, едва осел черный газ.

Десяток национальностей, несколько поколений, все сошлись в том, что нужно спасти именно его идею – так он думал, поворачивая с дороги на насыпь.

На самом деле они просто избавились от него, чтобы, выждав еще немного, разбежаться самим в разные стороны в надежде, что тепловой луч их не найдет.

Глава 11

Незнакомый хрипящий голос настойчиво стучался в сознание. Слух проснулся раньше всех остальных чувств, и Джек не спешил переключать внимание на что-либо другое. Он смутно, по интонации, ощутил, что голос говорит о чем-то очень важном, и сейчас надо только слушать.

– ...есть надежда! – пробивалось сквозь скрип и скрежет. – Силы сопротивления готовы дать отпор. Все армейские подразделения Европы находятся в боевой готовности. Мы нуждаемся в любой поддержке. Всем, кто нас слышит! Всем, кто нас слышит! Командование сил сопротивления призывает вас присоединиться. Мы не можем помочь каждому выжившему, но если вы можете добраться до нас, ваш вклад в дело освобождения будет неоценимым!

«Передают в записи. Как это заманчиво, но кто может гарантировать, что там еще есть кто-то живой?»

Джек уже полностью пришел в себя, разглядывал обстановку. Несомненно, это были помещения ремонтно-технической службы вокзала. Обилие всяческого инструмента, некоторые экземпляры настолько громоздки, что поставлены на колесный ход. Спецодежда раскидана тут и там. Разрушения не затронули это место, но последствия почти бесконтрольной эвакуации видны повсюду. Вдоль стен тянутся трубы, от которых исходит тепло. Какая-то из местных котельных дожигает остатки горючего. Это было особенно кстати после зябкого сентябрьского утра, хотя, возможно, Джека знобило от пережитого наверху.

Все члены отряда сидели на длинной скамье вдоль стены, Джек лежал на ней лицом вверх. Потолок во мраке, но близкие стены освещались дрожащим светом свечи, обнаруженной в магазине, небольшие переносные фонарики решили приберечь. От трубы к радиоприемнику на коленях Аннет тянулся кусок провода. Дикси догадался сделать антенну, чтобы с помощью железных труб, выходящих на поверхность, поймать волну.

– Франция ждет вас! Отсюда начнется победное движение на запад! Мы вышвырнем неугомонных тварей обратно в космос!

Трансляция становилась все менее конструктивной. «Они ничего не знают о происходящем здесь. Это пахнет самоубийством». Джек решил нарушить молчание:

– Что вы думаете обо всем этом?

Ему было ясно, что напарники уже в курсе того, что произошло на поверхности. Мистер Чи поделился впечатлениями. Их подавленный вид свидетельствовал о долгих размышлениях, выводы они сделали не слишком утешительные. Появление на сцене не виданных ранее вражеских солдат показывало общую картину совсем в другом свете. Изученные более или менее треножки из прошлого отступали на второй план. Несомненно, враг подготовился к новому вторжению гораздо более тщательно.

– Я хочу домой, во Францию, вот что я думаю! – Аннет была готова разрыдаться, но держалась.

– Теперь нам есть куда двигаться, сэр. Любой, выживший здесь, может сообщить бесценную информацию. Я считаю, что мы должны постараться добраться до Европы.

Дикси всегда продумывал запасные варианты развития ситуации, профессия телохранителя давала о себе знать. Его логичные рассуждения всегда показывали возможность выхода из тупика, даже если она была настолько призрачной, как сейчас.

– Осталось только придумать способ, – сказал Джек и встал. Его тень вскинулась к потолку и накрыла полстены.

Китаец снова то ли спал, то ли притворялся, но на этот раз, разглядывая его, Джек ощутил благодарность за тот самоотверженный выстрел.

«А ведь он мог бы этого и не сделать, – подумал он. – Нужно помочь ему, но как?»

– Я прошелся по коридорам, сэр, если механизмы работают, мы могли бы воспользоваться тем, что еще сохранилось.

– Что-то нашел?

– Локомотив. Он цел, но его надо повернуть.

– Повернуть?

– Да, депо спрятано под вокзалом, и они разворачивали паровозы отсюда, крутя их как на подносе.

– Спорное решение, но сейчас оно может спасти нас.

– Судя по теплу от этих труб, давления в магистрали может быть пока достаточно. Давайте проверим нашу удачу?

– Я ничего не понимаю в технике, – сказала Аннет. Она немного успокоилась и считала, что Дикси и на этот раз может оказаться прав. – Так что на меня не рассчитывайте.

– Будешь воодушевлять нас своим видом, – сказал Джек. Он решил разрядить ее напряжение ободряющим замечанием. Наблюдать, как она теряет самообладание, ему хотелось меньше всего.

– Да, мадмуазель Пети, вы нас постоянно удивляете своей стойкостью, – поддержал его намерение Дикси.

– Если бы это было так, – прошептала девушка, но ее настроение все же улучшилось.

– Поспешим, – сказал Джек. – Если чудовище приведет подмогу, я хочу быть подальше от этого вокзала. И при этом передвигаться как можно быстрее.

Китаец, как оказалось, действительно спал, да так крепко, что пришлось расталкивать. Разъяснив ему парой фраз, каковы их намерения, и получив знак одобрения, они отправи-

лись по коридору к депо. Пятна света фонариков прыгали перед ними, выхватывая из темноты изгибы труб, бутоны вентиляей, секции клапанов, из которых вырывались струйки жгучего пара. В дерганом танце вокруг металась черные тени.

С трудом, так что вздулись вены на шее, отворив оставшуюся без привода дверь, они попали из коридора в депо.

«Дик, как всегда, поспешил на эпитеты, – пронеслось в голове Джека. – Но стоит признать, сюрприз удался ему на славу».

Колоссальное, уходящее в бесконечность, помещение расстилалось перед ними. Стоящие через ровные промежутки мощные сваи подпирали потолок. Перекрытия были спроектированы с запасом, чтобы выдержать приходящие на вокзал поезда. Переплетение балок, откосов, растяжек громоздилось наверху. Здесь неярко светили редкие электрические лампочки, питавшиеся, скорее всего, от генератора в местной котельной.

Мутный свет позволял оценить величие подземного паровозного гаража. На полу извивались ряды рельсов, не поддающиеся никакой структуре. Сюда могли спускаться по пандусам небольшие составы, чтобы сгрузить запчасти или станки для ремонтного цеха. Он могли маневрировать в любом направлении, повинаясь командам диспетчеров, управляющих дистанционным приводом ворот, стрелок и электротягачей. Котлы паровозов разжигались только на поверхности, а здесь все передвижения выполнялись электрической тягой прицепных устройств.

Центральным элементом всего этого торжества инженерной мысли служил гигантский поворотный круг. Также снабженный рельсами, он мог поворачиваться на любой градус и произвольно коммутировать пути между собой. Основным назначением круга было разворачивание паровозов в обратном направлении, чтобы они могли выезжать с вокзала, будучи пристыкованными к голове состава. Отсюда, снизу, была видна подземная часть этого диска, техногенный айсберг, полностью скрытый от простого пассажира, но такой рутинный для железнодорожника. Именно на этом круге, там, на поверхности, стоял обнаруженный Дикси локомотив.

Под предводительством своего разведчика отряд добрался до служебного трапа, ведущего через технологический люк наверх. Минутой позже их мягко грели слабеющие лучи осеннего солнца, смотрящего на внутреннюю территорию вокзала поверх высокой стены. Воплощение самого современного проекта, локомотив был настоящим монстром. Два спаренных котла, увеличенный размер кабины машиниста, рассчитанной на целую команду обслуживания, дополнительные колесные оси. Он едва умещался на круге, заполняя диаметр от края до края. Каждый изгиб стального корпуса излучал потенциальную мощь.

Локомотив стоял боком, рельсы на круге не совпадали с путями на земле. Развернув его в правильном направлении, можно получить шанс вырваться с вокзала на всех парах. Лишь бы только не было погони.

Дикси с энтузиазмом взялся за изучение начинки кабины. Не было ничего удивительного в том, что Джек использовал телохранителя еще и как шофера. Оба таланта прекрасно уживались в этом человеке, и трудно было сказать, чего природа отпустила ему больше – способности управлять всевозможной техникой или быстро и решительно реагировать на сложные

ситуации. Сейчас он успешно применял все свои умения, и его спутники могли оправданно надеяться на то, что он сделает все возможное.

Сперва занялись размещением запасов продовольствия по хозяйственным отсекам, решительно избавляясь от ненужного в их экстремальном положении запаса ремонтных комплектов, мелких инструментов, брошенных личных вещей. Дикси сообщил, что не видит ничего, что могло бы помешать запустить котлы, и даже начал подготовку к старту. Оборудование новое, все надписи и графические указатели на месте, восстановить последовательность разогрева не составило труда. В конце концов, конструкция отличалась от автомобиля Джека в основном только масштабом, а уж вверенную ему технику Дикси знал, как свои пять пальцев.

Потратив полчаса на исследование, новоявленный машинист предложил совместно заняться кругом. Предстояло решить более сложную задачу – исследовать поворотный механизм. Здесь активно применялись электромеханические устройства, а не пар, но Дикси и тут полагался на свою общую техническую грамотность.

Спустились. Наскоро обследовали приводы поворотного устройства, отряхнули пыль, сбитую с потолка далекими взрывами. Повреждений проводки не было, гидравлика также избежала утечек. Парой рычагов активировали системы подачи питания, проконтролировали стрелки манометров и вольтметров. Пульта управления поблизости не было. Вероятно, чтобы обезопасить персонал, при поворачивании круга запрещалось подходить близко. Управление должно быть вынесено в общий центр. Пришлось отправиться на поиски – здание вокзала не было слишком большим.

Центр контроля нашелся на первом этаже. Побродив по лабиринту однообразных служебных коридоров, они наткнулись на дверь с перевернутой табличкой, вошли внутрь. У Аннет и Джека, людей еще недавно значимого высокого искусства, лаконичность органов управления вызвала невольное восхищение. Разноцветные обозначения органов управления, группировка по классам технических систем, крупные и контрастные надписи, простая индикация. Однако все это скрывало важнейшую проблему – не хватало людей. Оператор должен остаться тут и контролировать процесс до самого конца, но полный контроль ему не подвластен, кто-то должен подавать по внутренней коммуникации сигналы о ходе работы, наблюдая ее своими глазами из подземелья и с поверхности. Начав поворот круга раньше, чем надо, вслепую, можно запросто покалечить товарищей.

Джек пару минут задумчиво скреб черную щетину, кожа под бородой, не привыкшая к отсутствию ухода, невероятно чесалась. Остальные растерянно молчали.

«Логика очевидна, но как же не хочется этого делать. Чертов проектировщик! Не догадался придумать автоматическое управление. Хотя, к чему это? Персонал здесь, небось, под тысячу человек был, можно десяток сигнальщиков на зарплате держать. Вот она, несправедливость судьбы! – Джек вдруг испугался, что на лице отразится его неуверенность. – Не показывать страх. Неужели не справлюсь, актеришка? Выхода нет».

– Дик, я думаю, выход есть.

Все повернулись к нему.

– Запустить локомотив – это уж ты постарайся, а управиться с пультом под силу и мне. Главное, на обратном пути найди и отключи все блокировки. Я буду проверять по этим лампам. Если все не отключишь, пульт не сработает.

– Постараюсь, сэр.

– Какая самоотверженность, Джек! – сказала Аннет. Было видно, что оптимизма в ней прибавилось, но в словах была и значительная доля сарказма.

– Я рад, что ты ценишь мое участие. На самом деле, это единственный вариант, а ты, кажется, хотела домой.

Джек решил не реагировать на ее колкость. Он понимал, что она до сих пор потрясена эпизодом с сапогами. Он уже поклялся, что впредь будет десять раз обдумывать все свои действия. Экстремальная ситуация кислотой разъедала его внутренний психический стержень. Джек был уверен, что друзья испытывают то же самое, особенно – Аннет, в чуть меньшей степени – Дикси, и только мистер Чи, казалось, не подвержен внешним воздействиям. Джек по старой привычке отметил в нем любопытные черты поведения, коллекционирование которых было частью его профессии. Сейчас было видно, что китаец уже давно все решил для себя и стойко переносил ожидание, экономя силы.

Медлить не было смысла, Джек остался у пульта один. Он ждал, сверяясь с надписями на панели, представляя себе действия товарищей, чтобы более точно рассчитать время, когда они окажутся в безопасности. Зажглась первая контрольная лампа.

«Дик уловил систему, это хорошо».

Загорелась другая.

«Скоро будут на месте, тогда двинуть рычаг и бежать».

Вспыхнула третья.

«Теперь это табло, и отсчитать минуту. Должны успеть».

Табло не загоралось. Джек забарабанил пальцами.

«Контакт? Перегорела? Их нашли?»

Он вскочил и заметался по проходу. Сел, сжал кулаки. Табло засветилось белым – зона чиста. Стал считать секунды, представляя мысленно, как трое поднимаются в кабину, садятся на сиденья, вцепляются в поручни. Джек словно снимал кино.

«Они на месте, камера – стоп».

Он подал питание на гидравлику, диск пришел в движение. Ждать бесполезно – он остановится, только достигнув нужного угла. Вслед за лучом фонаря тень Джека метнулась к выходу.

«Что за черт!», – Джек стоял перед громадой основания круга и, не веря глазам, смотрел на трап. Осталось подняться туда, но трап искорежен кругом при повороте, и пути дальше нет.

Джек стал лихорадочно перебирать известные ему переходы внутри здания. Известно было не так много.

«Вернуться опять туда, где эти трупы? Их, наверное, уже собаки обглодали. Опять этот люк, почему все вокруг него?» – Стараясь не сбить дыхание, он уже мчался к злополучному перрону.

Вывалившись из отверстия, Джек на секунду ослеп после мрака туннеля. Присел, отдышался, покрутил головой, сориентировался. Оценив, какая стена скрывает от него внутреннюю территорию, вдруг почувствовал перемену в окружении. Огляделся еще раз.

«Вот в чем дело. Бандитов больше нет. Похоже очухались и уползли в какую-нибудь нору. Это к лучшему».

Но Джек сразу понял, что это не все. Солнце высвечивало металл на скорченных телах марсиан. Отблеск наружных каркасов вызывал любопытство. Джек решил, что он обязан посмотреть. Что-то ворочалось в мыслях, смутная догадка, что он может упустить нечто важное. Он прислушался – посторонних шумов нет, риск вполне оправдан.

Осторожно, прикикая к земле, приблизился к застывшим в нелепой позе фигурам. Ближайший солдат лежал, притянув к животу согнутые в коленях ноги. Руки сложены и плотно прижаты к бокам, подбородок упирается в грудь. Бледная до голубизны кожа обтягивает гладкий череп, огромные глаза плотно закрыты. Странный металлический скелет плотно прилегает снаружи к конечностям, повторяя строение тела, расположение суставов. Спина прикрыта сложным устройством с торчащими армированными проводами, бронированными трубками, щелями параллельных прорезей.

Джека заинтересовали четыре круглых гнезда с зажимами, сюда что-то должно было крепиться. Он поискал глазами вокруг. Цилиндры, размером с правильную кружку пива, откатились в сторону и лежали в тени, красновато просвечивая при дневном свете. Джек перебрался поближе, но тут же остановился, его накрыл приступ тошноты. В том, что внутри кровь, не было никаких сомнений.

«Что же это такое? Откачана, расфасована, готова к употреблению?» – Джек до боли стиснул челюсти.

На глаза попался второй труп. Он отличался от первого, Джек заставил себя задержаться еще немного. Поза, размер и конструкция каркаса, все было точной копией, но емкости торчали в гнездах и были пусты.

«Не сработало? Поэтому и кожа розовая», – подумал Джек и обошел тело с другой стороны.

Первое, что он увидел, были волосы. Всклокоченные, грязные, слегка вьющиеся, невообразимо неуместные на этом существе. Открытие обожгло льдом каждый нерв, и Джек потерял над собой контроль. Какие-то радужные круги поплыли в воздухе. Кислород словно исчез их легких.

Потом был свист в ушах и напор ветра, забивающего горло. Не ощущая ног, спотыкаясь, но чувствуя только сердечный гонг, не разбирая дороги Джек бежал в том единственном направлении, которое могло увести как можно дальше от проклятого места. Он видел только лицо, отрешенное лицо спящего, полускрытое респиратором. Земное, человеческое лицо, ничего общего не имеющее с тем, бледным, с огромными глазами, которое он рассматривал первым. Невозможность и убийственный реализм увиденного отключили способность мыслить. Только лицо в маске, как послесвечение от солнца на сетчатке, и свист ветра в ушах.

Нет, не ветра – это был слишком громкий свист. Паровозный, резкий и нетерпеливый. Краем сознания Джек уловил знакомый предмет впереди. Это его цель, это то, что не могло ждать. Цепкие руки ухватили его и потянули вверх, он месил ногами воздух и не мог остановиться. Ощутил твердый пол, вибрацию и гул в топке. Это было что-то отстраненное и далекое, но не внушавшее опасность.

Джек хрипло дышал. Теплые пальцы прикосались к нему, он закрыл лицо ладонями и затрясся. Звуки голосов не складывались в слова. Быстрый ритмичный перестук колес задал внутренний ритм, и Джек начал постепенно выбираться из кошмара, чуть не завладевшего им.

Глава 12

Сейчас, когда решение загадки было уже известно, Иррат пребывал в растерянности. Простота потребовавшихся изменений вдруг напугала его, заставив снова оглянуться на пройденный путь. Дни, проведенные в духоте узкого пространства в носу снаряда, казалось, высосали все соки до последних резервов истощенного организма. С кривой ухмылкой он вспоминал время, проведенное в тяжком труде во время сбора урожая арры, понимая, что те усилия – ничто, по сравнению с перенесенными за последние дни испытаниями.

«Но не упустил ли я что-нибудь важное?»

Проверка должна произойти уже скоро, отменить ее нельзя, иначе будет поставлена под угрозу конечная цель его миссии – приземление в Теплом Мире.

Он еще раз оценил правильность сделанного.

Когда он нашел место, в котором соединялись и обрабатывались искомые сигналы, первым делом ему опять показалось, что впереди ждет неудача. Блок, состоящий из сложного переплетения механических и логических устройств, оказался расположен в такой близости от внешней обшивки, что там свирепствовал лютей холод. Иррат смог выдержать только несколько минут, после чего был вынужден покинуть коридор, закрыв за собой несколько защитных перегородок, удерживающих от потери тепла. Поначалу он чуть не убедил себя, что не хватит времени, чтобы проделать всю необходимую работу в этом убийственном месте. Работая по несколько минут за раз, долго отогреваясь и снова заставляя себя окунуться в ледяную атмосферу, невозможно развить нужный темп и сделать все правильно, не допустив ошибок.

Первые несколько дней, когда он пытался работать именно так, показали тщетность усилий. Приступая к работе, он почти сразу начинал думать только о том, как не отморозить пальцы, а вовсе не о последовательности опытов над аппаратурой. Трясаясь в кресле, стараясь отогреться обильной пищей, он тратил время на поиски способа противостоять холоду, а не на то, чтобы придумать вариант изменения конструкции блока.

Теплый Мир был уже близок так, что невозможно спутать со звездой. Как раз тогда подошло время для первой коррекции траектории, которую Иррат выполнил строго по инструкции, одним точным движением рычага подав дозированный импульс на носовой двигатель. Маркер цели встал на место в центре сетки, и Иррат отправился поесть, чтобы запастись энергией перед очередным визитом в ледяной коридор.

Когда он открыл перегородки и ступил в секцию ненавистного прохода, то сначала не узнал это место. Нет и следов инея, покрывавшего приборы на стенах. Воздух сырой и теплый, почти как в рубке.

Отбросив шальную мысль, что заблудился в переходах и свернул не туда, Иррат поспешил использовать подарок судьбы. Он провел за работой необычайно долго, прежде чем холод пространства не начал снова выдавливать прочь. Иррат вернулся в рубку и долго размышлял.

Полезьа от одного сеанса работы в теплом помещении была гораздо значительнее, чем от всех предыдущих коротких попыток. Решение было очевидно. Иррат терпеливо стал дожидаться очередного момента коррекции траектории, после чего, выждав немного, бросался в носовой отсек и работал до образования инея на окружающем металле. Дело двигалось уверенно, давая надежду на скорый успех.

По мере приближения к Теплому Миру, поправлять курс требовалось все чаще. Иррат отметил, что иней перестал образовываться вовсе, теперь приходилось пережидать скорее периоды жары, чем холода. Это составило очередную проблему, решить которую уже невозможно – он не мог отказаться от включения двигателей, иначе случится промах, миссия потеряет смысл.

Одним из способов борьбы с жарой стало открытие всех перегородок, чтобы уравнивать температуру за счет использования всего объема воздуха. Иррат также расходовал много воды, скачанной из системы охлаждения, чтобы освежить тело, регулярно покрывавшееся потом. Через некоторое время он стал замечать, что вода из крана уже не настолько холодная, как раньше.

Тем не менее, он приближался к цели. Блок управления был связан с ударным датчиком в носу снаряда, который имел самое прямое отношение к механизму открытия крышки в днище. Этот ударный датчик стал первейшим противником Иррата. От победы над этим примитивным механизмом зависел успех всей великой миссии, возложенной Ирратом на себя. Единственный вариант решения, найденный им, заключался в том, чтобы заставить привод замка поверить, что ударный датчик сработал, в то время как снаряд все еще летит.

Иррат мыслил одушевленными категориями, персонифицируя стоящее перед ним препятствие. От такой мысленной игры становилось не так одиноко, и он иногда находил варианты решений, невозможные, если рассматривать груды железа только как бездушное соединение металлических запчастей.

«Я должен обмануть замок», – так он думал о своей задаче. Иногда Иррат даже разговаривал с ним, впрочем, сразу одергивая себя за подобное сумасшествие.

Периодическая необходимость включать двигатели неизбежно натолкнула его на мысль, ставшую основой всей дальнейшей работы. Исследовав к тому времени процедуру получения замком главного управляющего сигнала, он знал, что мощность импульса была чрезвычайно высока. Толщина проводов и соединительных элементов только подтверждала это. Значит, необходимо найти источник такого же количества энергии, чтобы создать эквивалентный импульс.

«Обмануть замок!»

Двигатели, вызывавшие такой сильный нагрев во время работы, как раз и были тем самым источником. Оставалось только преобразовать и перенаправить энергию в систему управления замком. Это была основная часть всей работы, доводящей Иррата до седьмого пота. Главная трудность была в том, что для подобных систем на борту не было запасных частей, поскольку устройство было одноразовым и не могло неверно сработать и сломаться раньше, чем потребуеться им воспользоваться по назначению.

Упорство Иррата, казалось, не знало границ. Он создал, проверил и забраковал множество вариантов, пока не нашел один, который до последней минуты не проявил недостатков. К решающему моменту, когда оставалось уже недолго до главной проверки, температура в отсеке, где работал Иррат, достигала таких величин, что он сомневался, сможет ли продолжить работу в случае неудачи.

Однако выбора не было, график полета неумолимо приближался к финальной стадии. Иррат каждым нервом ощущал убегание времени.

Он выполнял последние торопливые операции, запуская руки по локоть в переплетение проводов и гидравлических шлангов, торчащих из корпуса блока. Внутренности этой мизерной частички снаряда он теперь знал на ощупь лучше, чем какой-либо другой предмет, встречавшийся в жизни.

«Я все сделал правильно».

От его растерянности не осталось больше и следа. Впереди решающий шаг.

Глава 13

Профессор Уотсон отдыхал под раскидистым кустом орешника, глаза закрыл, но не спал. Ноги гудели от усталости, горели огнем. Погрузив ладони в успевшую просохнуть траву, он касался прохладной после ночи земли, как бы стараясь получить дополнительные силы. Пальцы почувствовали легкий вздох, словно почва передала эхо скрытых в глубине перемещений. Старик вспомнил дрожь здания в научном городке, где прятался на чердаке, пока треножник прохаживался среди построек, утопающих в черном газе. Впервые после тридцати лет мира он снова видел, как рухнет дом, жилой корпус напротив.

Профессор отдернул руки от земли и прислушался. Чуть уловимый гул медленно проявлялся на общем фоне утренней какофонии. Вспорхнули птицы. Смутная догадка радостно осветила лицо. Уотсон вскочил, побежал к насыпи, дотронулся пальцами до рельса. Покрытый налетом ржавчины, тот отчетливо передавал далекий перестук колес.

Не веря счастью, ученый торопливо выхватил из карманов кипу разномастных листов. Зажав в кулаках, начал размахивать над головой. Так заметнее. Он умолял провидение сделать так, чтобы поезд шел в нужную сторону. Ежесекундно профессор озирался, боясь пропустить волнующий момент, когда вдалеке блеснет на солнце изгиб обшивки котла.

Стремительная машина, сверкающая свежей темно-зеленой краской, выпрыгнула из-за поворота. Профессора ошеломила скорость – паровоз не ехал, а словно летел, чуть касаясь колесами рельсов. Уотсон с ужасом понял, что поезд не успеет остановиться. Они могут даже не заметить его на такой скорости. Приняв решение, старик спрыгнул на безопасную насыпь и, не переставая размахивать импровизированным семафором, стал подсакивать, чтобы быть выше. Не успевшие отдохнуть от долгой непривычной ходьбы ноги отказывались слушаться.

Из бокового окошка кабины высунулось лицо и скрылось, сразу появились два других. Паровоз начал тормозить, но инерция неумолимо тащила дальше, замер только в паре сотен метров впереди. Профессор, проклиная старость, уже бежал следом, обеими руками на ощупь запихивал бумаги в карманы, надрывно дышал. По щекам текли слезы.

Уотсону помогли взойти по рифленным ступеням. Четыре обитателя удивительно просторной кабины меньше всего походили на машинистов. Один из них, самый крепкий на вид, поддержал профессора, пока тот садился на боковую скамью. В кабине было теплее, чем снаружи, очки ученого помутнели. Он машинально снял их и протер о жилетку. Вернув очки на место, с изумлением уставился на стоящего напротив китайца, одетого в традиционную шелковую рубаху. Персифаль вспомнил, как в молодости отправился на юг Китая, в Гуанжоу, и был поражен бесконечным разнообразием рисунков и расцветок подобных рубашек, которыми пестрели улицы. Погруженный в воспоминания, он вздрогнул от неожиданности, когда представительный, пусть и сильно заросший господин в пыльном костюме обратился к нему:

– Доброе утро! Позвольте узнать, с кем имеем честь? – хорошо поставленный голос радовал чистотой дикции.

– Прошу прощения. Персифаль Уотсон, доктор биологии, – сказал ученый, немного опешив от такого вежливого приема.

– Очень приятно! Я Джек Ридл, актер кино. Это мадмуазель Аннет Пети, тоже актриса. – Учтивый господин повернулся к щуплой фигурке в мешковатой одежде. Уотсон невольно вскинул брови, распознав в человечке красивую молодую девушку. Большеглазая, рыжеволосая, с тонким носиком, она давно не имела возможности ухаживать за собой, но все же сохраняла природное изящество и элегантность даже в этом жутком перепачканном мужском наряде.

– *Bon deuil*, – сказала девушка, слегка поклонилась и очаровательно улыбнулась. Уотсон кивнул, французский был для него вторым родным.

– Это Дикси Гали, мой шофер и телохранитель, – продолжил церемонию Джек.

– Можно просто Дик, сэр, – добавил тот самый крепыш и переместился к приборам контроля. Дикси замер перед панелью, уверенно покрутил что-то невидимое. Паровоз должен продолжать стремительный бег, нужно тщательно удерживать его в режиме максимальной тяги.

– Ну, а это – мистер Чи, наш потрясающий доктор, – Джек повел рукой в сторону китайца.

Уотсон отметил, что такое эпатажное представление не вызвало эмоций на азиатском лице необычного господина. Он только чинно отвесил традиционный поклон и обратился к ученому с заметным акцентом:

– Очень приятно.

– Взаимно, – ответил Уотсон.

Такая разнородная компания, да еще несущаяся куда-то на гигантском сверкающем локомотиве, пробудила в ученом неподдельный исследовательский интерес. Он отчетливо видел объединяющую их тайну, какую-то миссию, которая гнала вперед. Профессор не стал долго терпеть, повернулся к галантному актеру. Было видно, что он здесь исполняет роль предводителя. Впрочем, когда девушка улыбнулась, Уотсону показалось, что в ее глазах мелькнул тщательно скрытый оттенок холодного изучения.

– Молодой человек, не могли бы вы объяснить мне, какие обстоятельства свели нас?

– Охотно, профессор, – сказал Джек.

Он расслабленно опустился рядом на скамью и оглядел своих товарищей. В движениях актера читалась усталость и некоторая отрешенность. Джек слегка поморщился, видимо, вспоминая недавние события и решая, с чего можно начать рассказ, затем заговорил.

Глава 14

Вокруг расстилалась величественная местность. Куда хватало глаз, всюду земля вспучивалась округлыми пологими холмами, поросшими густой травой, уже тронутой дыханием осени. Шли по целине, сверяя путь, когда оказывались на очередном возвышении. Ориентир потерять было невозможно, огромный многовековой замок каменным кораблем плыл в этом зеленом волнующемся море, подпирая небо мачтами островерхих башен. Придавая лугам еще большее сходство с океанскими волнами, непрерывно ползли рваные тени осенних кучевых облаков. Проблески света играли на черепице замка.

Путники уже давно находились на частной территории, однако об этом напоминало только то, что они проникли сюда через деревянную ограду. На необъятном участке царило запустение и природная неухоженность. Даже та ограда была настолько старой и ветхой, что чуть не рассыпалась, когда лезли через нее. Возможно, дорога здесь и была, но подходила к замку совсем с другой стороны, а в этих местах человек не бывал уже долгие годы, если не десятилетия.

Глядя, как профессор бодро вышагивает впереди, Джек вспоминал недавние события, что привели их сюда.

Еще рассказывая Уотсону про злоключения отряда в первые дни вторжения, Джек отметил, с каким вниманием и сочувствием реагирует старик. Но когда дошел до момента столкновения с марсианской пехотой, профессор пришел в настоящее возбуждение. Его, ученого с мировым именем, всю жизнь посвятившего изучению инопланетного биологического вида, до глубины души потрясло известие, что в рядах противника сражаются представители гуманоидной расы. Реакция же на рассказ Джека об обследовании трупов пехотинцев, о той кошмарной истине, чуть не погрузившей Джека в безумие, была и вовсе непередаваемой.

Джек счел нужным умолчать о собственной реакции на находку, но это и не требовалось. Уотсон проявил к этому факту настолько бешеный интерес, что казалось, будто выпрыгнет на ходу и побежит обратно, чтобы своими руками произвести вскрытие или другой какой опыт в этом роде. Расспросам не было конца, он остановился только тогда, когда Джек вежливо заметил, что повторяет ответы в третий раз.

– Молодой человек, – с дрожью в голосе чуть не кричал профессор, – вы не представляете себе всю глубину своего открытия! Неужели вы думаете, что хоть один человек на Земле добровольно пошел на сотрудничество с этими чудовищами? Нет! Это не должно вас тревожить. Я объясню вам. Это открытие действительно уникально! Оно говорит нам о том, что эти ненасытные твари каким-то образом сумели подчинить волю этих несчастных. Возможно, не только волю, но даже сознание. Это в корне меняет суть происходящего. Но я вам должен сказать, кое-что другое меняет все в гораздо худшую сторону.

– Что может быть хуже, профессор? – вставил слово Джек. – Посмотрите, что мы делаем. Бежим без оглядки с собственной земли. Нас разогнали как стаю тараканов, одним резким движением.

– А я скажу вам, друг мой. Я не знаю, насколько вы наблюдательны, но предположу, что это качество в вас несколько притупилось из-за потрясений. Я вижу, никто из вас не обратил

внимание на один факт, а между тем он, может быть, даже более важен, чем-то, что вы узнали о тех несчастных. Скажите мне, сколько времени прошло с момента их появления?

– Больше двух недель, точнее я затрудняюсь определить.

– А этого достаточно. Вы хорошо знакомы с историей? Мне кажется, вы должны помнить, сколько времени потребовалось нашим прекрасным невидимым спасителям, чтобы уничтожить марсиан. Я напому. Меньше двух недель, так?

– Да, я припоминаю. Но это же значит...

– Именно, молодой человек. Именно. У нас нет больше надежды, что история повторится. Теперь все по-другому. И наличие гуманоидов среди них только подтверждает мою догадку. А уж то, что там были люди, наши соотечественники...

Уотсон развел руками. Джек видел, что он находится в состоянии высшего исследовательского возбуждения. Он никогда не наблюдал ученых за работой, но зрелище лихорадочно соображающего Уотсона, торопящегося объяснить сразу все свои мысли, отчего слова порой опережали друг друга, вызвало в Джеке уверенность, что прямо на его глазах свершится какое-то важное открытие. Однако Уотсон вдруг заговорил о другом:

– Друг мой, вы не представляете, как я вам благодарен!

– Не стоит...

– Вы только что подарили мне надежду. И надежду, я сразу вам скажу, самую фантастическую. Но при всей своей фантастичности, она реальна как ни какая другая. Вы говорите, что в Европе создается сопротивление. Это прекрасно. Но грубая военная сила, пусть даже и несравнимо более мощная, чем тридцать лет назад, не даст нам преимущества. Поверьте мне. Я провел в исследованиях три десятка лет. Мы не знаем и сотой доли об их способностях. И сейчас то, что вы мне рассказали, осветило для меня эту проблему совсем иначе. Вы стремитесь в Европу, я вас понимаю, это долг каждого, кто еще может бороться.

– Это позорное бегство, профессор, как бы вы ни оправдывали... – Джек покачал головой. Его собственный страх, терзающий душу в последние дни, стал едва заметно отступать. Энергия, фонтаном бьющая из профессора, заражала всех вокруг. Аннет сидела рядом, напряженно ловя каждое слово старика. Дикси повернул голову в пол-оборота, слушал, не отрываясь от приборов контроля котла. Даже мистер Чи, пусть и невозмутимо, тоже не сводил глаз с говорящего. Джек не удержался и снова взглянул в искаженные толстыми линзами глаза.

– Настал мой черед рассказать вам, почему я оказался там, на вашем пути. Я шел к своему старинному другу, он астроном, мы вместе работали с ним в молодости. Знаете, это удивительный человек! Я нисколько не сомневаюсь, что он сможет помочь и вам. Он эксцентричен, это правда. Я не одобряю это в ученом, но тут уж ничего не поделаешь. И пусть вас не удивляет, что его основное занятие – астрономия. Поверьте, он обладает весьма разносторонними познаниями, так что мы вправе надеяться на помощь.

– Но что вы хотите от него?

– Вот здесь, – Уотсон бережно положил ладонь на пухлый карман с бумагами, – находится плод моих последних изысканий. Мозг ученого непредсказуем. Знаете, известие о новом вторжении многих повергло в шок. Но только не меня. Мне оно дало массу информации. Последние две недели я работал так, как не работал уже тридцать лет. Я снова молод и готов на все. Здесь, в этих бумагах, возможно, ключ к победе.

Слушатели вздрогнули. Фраза потрясла их. Здесь, в паровозе, мчащем их как можно дальше от сеющих смерть и агонию бездушных полчищ, они слышали от седого возбужденного старика слова о победе. Что-то стронулось в их представлении о мире.

– Вы не ослышались, друзья мои. Конечно, это только начало работы. И именно поэтому ваше сообщение о Европе вселило в меня надежду. Я понял, что у меня есть шанс довести работу до конца. Я хочу вам отплатить тем же. Я уверен, что мой друг в силах помочь нам попасть в Европу. Я прошу вас, примите мое предложение, присоединяйтесь ко мне. Годы делают свое дело, мне очень пригодилась бы ваша поддержка в пути.

– У нас нет оснований не верить вам, уважаемый профессор. – Джек, как ему казалось, выражал сейчас коллективное мнение, читающееся в устремленных на него глазах. – Мы ехали, не зная, куда нас выведет дорога. Надеялись только, что подальше от этого кошмара. Но теперь у нас есть цель. Вы правы, надежда – это то, что нам нужно сейчас больше всего. Я только боюсь, не захали ли мы слишком далеко, пока вели наш разговор...

– Нет, случай пока на нашей стороне. Но мне кажется, что нашему любезному машинисту скоро потребуются сделать остановку. Знаете, нам несказанно повезло, что дорога оказалась свободна. Здесь действительно глухие места, возможно, это очевидно даже марсианам. Но скоро дорога, как мне помнится, должна сделать поворот к местному городку. Нам придется сойти раньше, оттуда не составит большого труда дойти до замка моего друга.

– Замка?

Путники приблизились к замку. Преодолев последний подъем, очутились на мощеной булыжником площадке перед парадным входом. Центр площадки могла бы украшать изящная клумба, если бы полным отсутствием внимания к себе не была доведена до состояния лесной дикости.

Не теряя времени, профессор направился к гигантским деревянным створкам в каменной стене. Шагал по ковру из опавших листьев, перепрелых, не убиравшихся долгие годы. Джек заметил прикрепленное к дубовой панели устройство. Он выглядело чуждым элементом в этом средневековом окружении – металлический ящик с мелкими дырочками и ручкой на боковой стороне.

Уотсон потянулся к ручке, но взяться за нее не успел. Все услышали искаженный резким треском голос, раздавшийся из ящичка:

– Не думал, Перси, что мы еще встретимся.

Голос мужской, даже старческий, выдавал склонность хозяина к недовольному ворчанию.

– Отворяй, Стив, не распугивай гостей, – ответил Уотсон. Было видно, что его ничуть не смутило подобное обращение.

– Распугаешь вас, как же! Я наблюдаю за вами уже пару часов. Таких целеустремленных визитеров здесь не было с тех пор, как я послал к черту того недоучку-академика... – Внутри что-то шелкнуло, тяжелая дверь приоткрылась. Уотсон навалился всем телом, остальные поспешили на помощь.

Темный мрачный холл оглушил тишиной и зябкой свежестью. За спиной раздался все тот же голос – на этот раз звучал из ящика, висящего с внутренней стороны двери.

– Проходите. Надеюсь, Перси, ты не заблудишься. И закройте дверь. Не хватало мне здесь еще и сквозняка...

Меньше всего замок изнутри производил впечатление жилого помещения. Всюду царили запустение, махровая пыль и невесомые полотнища паутины. Шагая гулкими коридорами, гости разглядывали картины, кое-где подсвеченные случайно попавшими на них через невымытые стекла пятнами света. Профессор, секунду подумав, повел спутников через путаную вереницу комнат, которых хватило бы на сотню-другую человек. Сейчас всю мебель скрывали чехлы с бахромой из пыльной паутины, так что нельзя было составить мнение о богатстве или, наоборот, бедности владельца. Скорее, с полной уверенностью можно было бы говорить о его безразличии к этим свидетелям древности.

«Да, собственно, кому теперь замок нужен? – подумал Джек. – Величие рыцарства. Упорядоченная груда камней на пути теплового луча».

Затем Джек решил, что, все же, обстановка замка говорит о пренебрежении хозяина своим имуществом без всякого учета влияния марсиан. Тут какая-то другая причина. Ворчливый тип сразу заинтриговал Джека, а такие характеры он коллекционировал с особым удовольствием.

Тем временем, преодолели крутую винтовую лестницу, поднялись на самый верх одной из башен. Лежащий на полу ковер отчетливо делила надвое дорожка, протоптанная в пыли. Здесь ходили чаще всего. Уотсон подошел к небольшой двери на витиеватых кованых петлях, потянул за древнее черное кольцо. Дверь легко подалась, проем осветился ярким, бьющим через многие окна дневным светом.

Круглое помещение венчало башню. Частые узкие щели окон по всему периметру опоясывали комнату. В центре располагался массивный стол темного дерева с грудой бумаг, накрывающих его, словно снежная шапка могучую гору. Спинкой к двери – удобное кожаное кресло, с подлокотника свисает клетчатый плед. К каждому окну приспособлены вращающиеся подставки, на них закреплены одинаковые телескопы средней силы, хорошо ухоженные, сверкающие хромом и полированной медью.

– Быстро добрались! Ну проходите. – Из-за спинки кресла появилось лицо хозяина, секунду висело над пледом, затем снова исчезло.

«Да, гостеприимством он не зарабатывает, – подумал Джек. – Предложения присесть мы тоже вряд ли дождемся».

Впрочем, это было верно и по той причине, что присесть пятерым гостям здесь было просто не куда. Кресло оказалось единственным пригодным для этого местом, но недоступным, как Луна. Гудящие после многочасовой ходьбы вверх-вниз по холмам ноги напоминали о себе все настойчивее. Джек подумал, что довольствовался бы даже предложением лечь на полу.

Притворив дверь, гости в изнеможении прислонились к ней. Аннет не могла сдерживать тяжелого дыхания, подъем дался с трудом, но она не позволила себе отстать. Мистер Чи и Дикси внимательно изучали обстановку. Телохранитель машинально отметил, что помещение с одним выходом потенциально опасно.

– Ну же, Стив, побольше радушия! Мы не виделись столько лет. Дай на тебя посмотреть, вылезай.

Уотсон решительно прошел вперед и протянул руку. Из кресла с трудом поднялся невысокий сутулый человек, ответил вынужденным рукопожатием.

– Сэр Стивен Сайд, господа. Прошу знакомиться, – профессор сделал приглашающий жест. – Астроном и ярый поклонник различных технических наук. Большой оригинал, ну да вы в этом сами скоро убедитесь.

Сайд угрюмо оглядел вошедших и ссутулился еще сильнее. На лице застыло какое-то скобоченное выражение, один глаз постоянно прищурен от частой работы с объективом телескопа. Неопрятные, неровно остриженные волосы чуть тронуты сединой. Стриг он себя сам, в этом Джек был уверен теперь абсолютно. Похоже, астроном жил здесь один – проходя по замку, гости не заметили и не услышали никого из прислуги. Затворник кутался в поношенный шерстяной свитер, ноги грел теплыми мятыми брюками и шерстяными носками. В подставленной всем ветрам каменной башне было не жарко.

Знакомство заняло не больше пяти минут. Персифаль Уотсон церемонно представил спутников, и мужественно переживший это астроном с облегчением опустил обратно в спасительное кресло. Разговор предстоял долгий.

Гости разошлись по комнате, разглядывая оптические приборы и высокие книжные шкафы, заполнявшие каждый простенок между окнами. Дикси с профессиональным любопытством поглядывал на ящик с рычажками и дырочками, который, похоже, помогал Сайду общаться с посетителями на расстоянии.

«Собственный телефон, надо же!», – восхищался Дикси, изучая украшенный деревом прибор.

Джек, испросив разрешения, водрузил на стол свой радиоприемник – ремень изрядно натер плечо. Аннет выбрала один из телескопов и, стараясь не коснуться его, аккуратно взглянула в окуляр. Увиденное не привлекло, она переключила внимание на книжную полку рядом.

Уотсон подошел к столу, раздвинул бумаги и сел на край поближе к Сайду. Ученому не терпелось рассказать другу все, что накопело во взбудораженном мозгу.

Глава 15

Только что ушел очередной паникер. Кларк медленно прохаживался по помещениям бункера. Он начинал нервничать. Подземное убежище вдруг стало казаться неудобным.

«Не может быть, чтобы все эти недоноски ошибались. Конечно, мозгов у них не больше, чем у крысы, но столько случаев подряд – это уже статистика. Сговориться они тоже не могли. Раздельное посещение, только по одиночке, держит их в зависимости от меня, это правильно. Значит, наблюдения верны».

Он поежился. Очень тесно в этой бетонной берлоге, спрятанной под подвалами его лондонского особняка. Дом уже давно разрушен, но бесформенные развалины только усилили маскировку. Потеря собственности не волновала – все нужное давно перенесено в бункер, здание всего лишь повышало уровень комфорта. Какое-то время можно потерпеть. Но дни неумолимо уходили в прошлое, а ситуация, судя по донесениям разведчиков и запуганных делегаций со всей страны, не желала меняться к лучшему.

План, еще неделю назад такой безупречный, дал ощутимую трещину. Эти твари не собирались умирать. Мало того, их становилось все больше, они хозяйничали все активнее. А только что очередной визитер, трясущийся от страха то ли перед марсианами, то ли перед Кларком, сообщил, что его подручные видели людей рядом с марсианами. Якобы они были в каких-то железных костюмах и вели себя как преданные солдаты.

Кларк с огромным трудом заставлял себя верить в происходящее. Ситуация требует резкого изменения плана действий. Надежды на повторение истории с микробами больше нет. Еще немного, и его авторитет начнет таять как черный газ под струей пара.

«Нужно быть готовым к дезертирству и панике. У этих подхалимов никогда не было сильной воли, иначе я не был бы тем, кто я есть. Но сейчас это может сыграть злую шутку. Они просто разбегутся. Особенно в дальних областях. Они и сейчас чувствуют себя брошенными, а пройдет время, и они выскочат, зажмурясь, под тепловые лучи, лишь бы найти какой-то выход. Туда им и дорога. Со мной останутся только самые сильные».

Кларк остановился перед небольшой картиной. Шедевр эпохи Возрождения изображал полную титанических страданий попытку людей противостоять бешеной стихии. Карие глаза внимательно изучали каждый мазок, словно видели сцену впервые.

«Люди не сдадутся, это не в нашей природе. Да, сопротивление будет, это очевидно. Нужно только его вовремя обнаружить. Нужно выжить здесь и сейчас, наплевать на удаленные графства. Пусть спасаются как хотят. Сосредоточиться здесь, в Лондоне. Дать людям новое задание – пусть ищут повстанцев. Мы будем наготове, когда они появятся».

Новая перспектива вызвала прилив вдохновения. Новые обстоятельства, новые препятствия, новые планы. Тупое сидение в бетонном гробу переставало быть таким скучным.

«Можно даже сделать ставку на первого партизана. Бутылка старого скотча будет, пожалуй, хорошей наградой тому, кто обнаружит его в городе».

Ураган новых мыслей, складывающихся в сложные комбинации, захватил Кларка. Поглощенный ими, он грузно опустился в кресло, закрыл глаза, застыл монолитной глыбой.

Глава 16

Динамик приемника издавал беспорядочные шумы и режущий ухо треск. Как ни старался Джек поймать трансляцию из Европы, только зря тратил время. Было несколько версий причины радиомолчания, но ни одну из них он не мог проверить. Самым реалистичным было предположение, что в приемнике просто сели батареи, самым невероятным – что Европа также подверглась нападению, а штаб сопротивления разрушен. И то и другое Джек проверить не мог, но что спустя прошедшие недели в Европе упадет запоздалый марсианский снаряд, он отверг как плод нездоровой фантазии. Молниеносность вторжения – самое веское доказательство того, что все снаряды, которые должны были прилететь, уже прилетели.

Мистер Чи стоял рядом с Джеком, внимательно изучал трактат о космических лучах, найденный им на одной из книжных полок. Поначалу он хотел спросить разрешения, но быстро сообразил, что вклиниться в жаркий спор двух светил науки невозможно. Книга в довольно свободной форме трактовала одну из известных китайцу космологических теорий. Жалея, что не может взять ее с собой, аптекарь жадно вчитывался, потрепанные страницы часто шуршали под его пальцами.

Телохранитель и девушка развлекались тем, что переходили по очереди от телескопа к телескопу и разглядывали горизонт. Можно было отчетливо видеть самые дальние уголки владений сэра Сайда, так что тайна осведомленности об их приближении была полностью раскрыта.

Аннет рассматривала редкие сосны на холмах, раскидистые купола сонно покачивались от слабого ветра. Точный прибор позволял различить даже изредка взлетающих с деревьев птиц. В один из телескопов оказался виден брошенный паровоз, застывший на рельсах, проходивших вдоль границы поместья. Прорвавшееся сквозь низкие кучевые облака солнце коснулось какой-то блестящей детали на корпусе паровоза, отраженный блик попал точно в объектив, резанул по глазам. Аннет отпрянула и стала кулачками тереть веки.

Дикси гораздо больше интересовали странные пятна свежевскопанной земли, как гигантские кротовины, в беспорядке разбросанные по холмам по всей территории поместья. В голове Дикси не укладывалось, как он мог пропустить такие хорошо заметные объекты, приближаясь к замку. Он подозревал, что нелюдимый астроном мог бы легко пояснить их назначение, но прервать разговор уважаемых ученых не решался. Тем более, что разговор этот, время от времени переходивший на повышенные тона, касался вещей, значительно более важных, чем пятна сырой земли за окном.

– Послушай, Перси! – в усталом раздражении восклицал хозяин. – Разуй глаза! Они просто избавились от тебя, это же очевидно. С чего ты решил, что их интересуют твои идеи?

– Стивен, ты переходишь всякие границы. То, что ты сам для себя решил в отношении других академиков, вовсе не следует перекладывать на каждого встречного.

– Ты действительно думаешь, что какому-то недоучке из городка было интересно, что ты говоришь о возможности спасти мир? Какому-то желторотому аспирантишке, который минутой раньше трясся мелкой дрожью при виде черного газа под окном? Кого ты хочешь обмануть, Персифаль?

– Ценность научных открытий не зависит от условий, в которых они сделаны, – Уотсон был непреклонен.

– Тогда вот тебе мое открытие – они дождались, пока ты уйдешь дарить светоч людям, а затем собрали все ценное и двинули подальше в лес, рыть себе норы – сказал Сайд.

Он никогда не заботился о политкорректности высказываний, и, тем более, о производимом впечатлении. Именно поэтому почти все ученое сообщество порвало с ним всякие отношения, а многие даже перестали воспринимать его всерьез, считая просто склочным стариком, выжившим из ума.

Уотсон развел руками. Любая встреча с Сайдом проходила в атмосфере напряженного препирательства, но сколько совместных открытий было сделано ими в молодости, когда в таких перепалках у кого-нибудь из них возникало прозрение!

– Я верю в обоснованность твоих догадок, – продолжал Сайд. – Кому, как не тебе, придумать что-то в этом роде? За последние годы я сильно устал от всего этого, так что не хочу даже спорить с тобой. Знаешь, я никогда бы не подумал, что буду на старости лет смотреть на звезды просто по привычке. А ты меня удивил. Все так же бодр, остроумен, горяч.

– Стив, ты хоть можешь себе представить, скольким людям твоя привычка спасла жизнь?

– Ты о чем?

– А статья?

– Кончай темнить, Перси.

– Статья в «Лондон Телеграф», хочешь сказать, была уткой?

– Ах, эта. Жалкий приступ гордости. Нашло что-то на меня, позвонил тому писаке. Думал еще потом, что зря полез. Только сам на себя собак спустил. Ты знаешь, сколько мне пришло гневных посланий? Упреков сколько было, издевательств? Но мне уже все равно. Не те годы, чтобы меня это волновало.

– Я верю, Стив, что в Европе сейчас все по-другому, – сказал Уотсон. – Это сообщение о сопротивлении... По-моему, у них еще есть силы. Мои знания нужны им сейчас.

– Давай без высокопарности. Чего ты хочешь от меня? – ответил Сайд и кисло сощурился. – Мне льстит, что ты сразу отправился ко мне, да еще сподвиг на это толпу молодежи, но подумай трезво, что мы можем тут сделать?

– Не скромничай, Стивен, – Уотсон наклонился поближе к собеседнику. – Я же прекрасно знаю, что у тебя наверняка что-то припасено. Ты не можешь без сюрпризов.

– Я давно уже тут сижу как придаток телескопа. Ты видел дом? Мне прибраться сил нет, прислуга разбежалась. Только звезды пока со мной, одна радость. Какие тут могут быть сюрпризы?

– Меня не проведешь, дружище. Отпираться бесполезно, – Уотсон чувствовал, что нужно еще немного поднажать.

– Припасено, говоришь? Может, тебя антиквариат интересует? Этого добра у меня навалом. Даже пара тех летучих колымаг еще в ангаре место занимают.

– Ты о чем?

– Да о самолетах этих чертовых. Что, забыл, как мы с тобой веселились на рождество в девятисотом?

– Ах ты! Совсем вылетело из головы. До сих пор хранишь? – удивился Уотсон. Это определено было то, что нужно. – И что же, так после этого и не летал больше?

– Да какое там! Забыл, какими мы были? На вершине мира, что ни день, то новое открытие, что ни ночь, то озарение. Вот были времена... Я и вспомнил-то про них недавно совсем, когда понесла нелегкая воздухом подышать. Дотащился до ангара, да и застрял там на полдня. Все хлам ворошил, вспоминал молодость.

Уотсон мечтательно вскинул голову. Воспоминания вспыхнули перед внутренним взором. Молодые, неимоверно успешные ученые, сделавшие к наступлению века несколько революционных открытий, погруженные в исследования технологий, свалившихся прямо с неба. Вопрос личного состояния больше их не волновал, можно было отдаться науке с потрохами. Продажа патентов в прямом смысле слова озолотила их. А развлекаться они тогда умели.

Профессор с замиранием сердца вспомнил ту пару небольших самолетов, купленных ими, чтобы с должным размахом встретить новый век. Особым образом подготовленные бипланы, на которых можно было летать небольшой компанией, отправляться на пикники куда-нибудь в солнечные равнины Шотландии. Создание этих машин было невозможно без некоторых открытий, сделанных Сайдом и Уотсоном, поэтому, летая на них тогда, они испытывали особенную отеческую гордость. Довольно скоро, впрочем, им на смену пришли новые любимые безделушки, бессмысленные скоростные электромобили, причудливо отделанные дома. Затем прошла и их пора. Академические успехи взяли верх над всеми пристрастиями, и развлечения молодости окончательно ушли в прошлое. Теперь это прошлое могло спасти им жизнь. Уотсон встрепенулся, разговор был не закончен.

– Стив, а что, самолеты еще в порядке?

– А что с ними делается? Пыль сотри и вперед, ангелов гонять!

– Я, пожалуй, заберу свой. Он и так слишком долго злоупотреблял твоим гостеприимством.

– И что ты с ним делать собираешься?

– Мы полетим в Европу.

– Ты с ума сошел. Ты четверть века штурвала не касался. Я думал, ты хочешь сохранить свои идеи для потомков.

– Сейчас не то время, чтобы можно было выбирать. У меня предчувствие, что каждая минута на счету.

Подтверждением его слов стал резкий возглас удивления пополам с ужасом. Аннет хватала ртом воздух от возбуждения и показывала на телескоп рядом с собой. Все бросились к ней. Дикси первым успел к окуляру, припал к нему на секунду, которая показалась мучительно долгой. Тревога ледяной водой из ведра окатила присутствующих.

– Треножник! – Дикси отпрянул от глазка, чтобы дать другим посмотреть.

Джек был следующим. Черда пятен света и тени от плывущих облаков мерцанием высвечивала марсианина, шагающего на горизонте. Он приближался к локомотиву, плавно двигаясь вдоль насыпи, повторяя проделанный беглецами путь. В неспешных движениях, бесшумных на таком расстоянии, была заметна некоторая настороженность. Коробка излучателя едва заметно поблескивала в приподнятой над башней конечности.

– Он нас вычислил. Нам нужно спастись.

Джек повернулся к товарищам и стал подгонять, чтобы быстрее собирали вещи. Страх, чуть отошедший после смены обстановки на задний план, снова начал неумолимо сковывать его волю.

– Здесь мы в безопасности, – проговорил Сайд. Он был поразительно спокоен.

– Ты о чем, Стив? – недоуменно повернулся к нему Уотсон. – Ты что, первый раз видишь эту машину?

– Не беспокойтесь, я знаю как свести счеты с этими паразитами.

Даже мистер Чи мог бы позавидовать такой невозмутимости. Такой резкий контраст обстановки и поведения хозяина вывел Уотсона из себя.

– Опомнись, надо спускаться вниз. Поторапливайся! – он перешел на крик. – Места в самолете хватит, мы не можем бросить тебя здесь.

– Дружище, я не могу упустить такой шанс, – Сайд был непреклонен. – Я слишком долго ждал. Я остаюсь. Тебя не задерживаю, у вас своя цель, у меня – своя. Не трать время на болтовню.

Уотсон посмотрел на него как на сумасшедшего. Он перестал узнавать старого друга, видел перед собой странно чужого человека, даже в голосе и манере говорить заметил что-то незнакомое и пугающее.

Сэр Сайд медленно поднялся из кресла. В его позе вдруг проскользнула еле уловимая величественность. Уотсон еще сильнее заподозрил неладное. В глазах друга отчетливо читалась опасная решимость.

Молодые спутники уже силой тащили профессора к выходу на лестницу. Джек, накинув ремень приемника на плечо, подталкивал старика вперед, не давая возможности трезво оценить происходящее. Шаги гулкой дробью посыпались по каменной лестнице. Никто уже не видел, как Стивен Сайд обошел стол, спокойно проследовал к окну и замер в ожидании, когда сработает его безупречный план.

К ангару подбежали, преследуемые ревом треножника. Замок Сайда заслонял их от шагающей машины. Звук двигателя, лязг сочленений, легкое шипение гидравлики отчетливо слышались у подножия холма. Топот бегущих, судорожное дыхание не могли заглушить этот неизбежный, перекрывающий все шум погони.

Дверь в огромной, до крыши, половине ворот ангара была приоткрыта. Бежавший первым Дикси навалился всем телом, провалился в черный проем, остальные запрыгнули следом.

Металлические стены приглушили звуки снаружи. Сумрачную пещеру ангара прорезали резкие косые лучи света из узких окон под самой крышей. Пара лучей высвечивала яркую краску на крыльях бипланов, стоявших в глубине. Уотсон сразу вспомнил голубую расцветку своего самолета и поспешил к нему, крикнул на бегу, чтобы открывали ворота.

Дикси уже возился с замком. Вдвоем с Джеком они распахнули створки, легко покотившиеся в стороны на прикрепленных снизу колесиках. В ангар ворвался дневной свет. Аннет и китаец стояли в стороне, чтобы не помешать.

Ангар больше походил на огромный склад, тут было все, что могло перемещаться своим ходом в хозяйстве сэра Сайда. Несколько спортивных экипажей, накрытых плотными полотняными чехлами, в дальнем углу – сиротливый трактор для уборки садовых дорожек. Самым броским пятном в интерьере оставались две крылатые машины, стоявшие друг за другом. У дальней суетливо копошился профессор, проверяя шасси, винт и механизмы закрылков. Из глубины помещения доносились неразборчивые восхищенные возгласы.

Через широкий проем ворот еще громче стала слышна поступь марсианина. Дикси подбежал к профессору.

– Сэр, нам не выкатить ваш самолет. Мешает второй.

– Молодой человек, Стивен не обидится, если вы немного прокатитесь на его игрушке. Вы ведь умеете водить самолет, я правильно понимаю?

– Конечно, сэр. Но как же вы?

– Руки вспомнят, молодой человек, не волнуйтесь. Освободите лучше проезд.

Уотсон уже сидел в кабине и проверял приборы. Небольшой четырехместный салон был отделан с благородной, изящной простотой, что не удивительно для прогулочной машины, предназначенной для состоятельных покупателей, пусть и спроектированной на заре технической революции. Аппарат был легким и маневренным. Даже пожилой человек смог бы справиться с ним, это гласила еще реклама во времена его покупки. Профессора наполнило желание убедиться в этом лично.

Дикси решительно полез во второй биплан. Он был той же модели, отличался только красной раскраской с более темными полосами поперек крыльев и пребывал в таком же великолепном состоянии, как и самолет Уотсона. Одновременно взревели моторы, начисто заглушив шаги треножника. Теперь беглецы не могли по слуху ориентироваться в происходящем и должны были полагаться только на свою расторопность. И на удачу.

Джек дотронулся до руки Аннет и, когда она повернулась к нему, замахал руками в сторону самолета, призывая скорее занимать места. Слегка подпрыгивая на неровном полу, мимо них проехал самолет Дикси. Чтобы ускорить взлет, Джек не стал догонять его, а поспешил к голубой машине, в которой уже разместились девушка и мистер Чи. Уотсон призывно махал, чтобы тот не задерживался.

Джек вскочил в салон и плюхнулся на переднее сиденье рядом с профессором. Кабина хорошо глушила вой двигателя, пассажиры могли разговаривать, лишь немного повысив голос. Уотсон обратился к Джеку:

– Здесь только четыре места, так что вашему другу придется решать самому, что делать. Думаю, Стивен не возражал бы против такого обращения с его техникой. Будем надеяться, что ваш друг присоединится к нам.

– Не беспокойтесь за Дикси, – сказал Джек. – Он способен управлять всем, на чем можно передвигаться.

Профессор заканчивал предстартовые процедуры. Немного замешкавшись, вспоминая нужные операции, он дал фору Дикси, но теперь все было готово начать движение. Уотсон отпустил стояночный тормоз и прибавил оборотов мотору. Легкая машина плавно покатила к выезду из ангара.

Когда вырулили на гладко мощеную площадку перед ангаром, красный биплан стремительно набирал ход на взлетной полосе. Дикси действительно решил долго не рассуждать. Профессор все более уверенными движениями направил машину в ту же сторону. Постоянно повышая обороты, выжидал, когда будет достигнута нужная скорость.

Взлетная полоса шла вдоль ангара, окаймленная по краям буйно разросшимися кустами. Замок каменным великаном уходил в сторону, открывая пространство для обзора. С высоты холма открывался великолепный вид на много километров вокруг. С другой стороны здания сверкнул металл, пассажиры самолета заметили кабину треножника, плавно покачивающуюся в жуткой близости от убежища астронома. Искрящиеся в солнечных лучах иллюминаторы были обращены к замку, самолеты пока не привлекли внимания чудовища.

«У нас все еще есть шанс, – подумал Джек, – но нам слишком много везло в последнее время».

– Профессор, мы можем взлетать? – спросила Аннет.

– Да, теперь путь свободен, – ответил Уотсон, непрерывно бросая взгляд то на приборы, то на самолет Дикси.

Тот только что оторвался от земли, и уже уходил в сторону в лихом вираже. Траекторию рассчитал так, чтобы как можно дольше оставаться под прикрытием замка. Уотсон незамедлительно потянул штурвал на себя, и голубая стремительная птица взмыла в воздух. Взлетная полоса провалилась вниз, резко оборвалась в кустах. Поросший дикой травой склон холма побежал под днищем.

Профессор последовал за Дикси, чтобы не потерять его. Машина повернулась боком к замку, и все напряженно прикинули к стеклам, пытаясь увидеть внизу своего врага.

Сэр Стивен Сайд был полностью уверен в победе. Тот шквал критики и обвинений в паникерстве, что поднялся после публикации злосчастной газетной заметки, только укрепил его решимость. Еще разглядывая красный глаз Марса, сигнализирующий о грядущей беде роковыми вспышками, он уже начал выстраивать план.

Средства для воплощения идей у него были всегда. Даже участвуя в экстравагантных мероприятиях, модных в среде ученых нового поколения, упивавшихся единением мировой науки, он благоразумно сохранил значительную часть родительского наследства. Удачно разместив некоторые патенты, преумножил капитал, получив возможность финансировать личные эксперименты и исследования.

Среди коллег Сайд всегда выделялся часто охватывающей его тяжелой угрюмостью. Он не разделял общего восторженного тона в отношении счастливого избавления от марсианской угрозы. Ему казалось очевидным, что только разум колоссальной мощи, обладающий неукротимой жадностью поглощения, мог решиться на подобный шаг. Случайность спасла их, но нелепо думать, что такой разум оставит происшедшее без последствий, не сделает выводы, не повторит попытку. Стивен Сайд искренне считал, что основные принципы психологии здравого мышления ученый обязан распространять и на другие мыслящие существа. Мышление имеет универсальную общую логику.

С кем бы он ни говорил, ответом были безразличные отмашки и недвусмысленные намеки на паранойю. Постепенно замыкаясь в себе, проверяя логику выводов только своими же контраргументами, ученый прекратил попытки образумить оппонентов. Лишь единицы продолжали находить в его взглядах зерно истины. Большинство же было поглощено стремительно летящим ввысь техническим прогрессом и переменами в общественной жизни.

Зарегистрированные вспышки на Марсе стали неопровержимым доказательством правоты его теории. Чужое мнение больше не имело значения. Это был сигнал к действию, и ученый отдал всего себя приготовлениям к неминуемой встрече. Он не собирался скрываться или бежать при первом дуновении ветерка. Он поставил себе цель нанести как можно больший урон противнику и прибегнуть к отступлению – исключительно в тактических целях – только тогда, когда возможности для активной борьбы будут исчерпаны.

Он располагал огромной территорией поместья, отлично видимой из родового замка на вершине холма. Выгодная позиция, любой военный знает аксиому о необходимости контроля высот. Сайд знал, что они придут, ему не было нужды искать врага. Враг сам шел навстречу, а в распоряжении ученого были все знания о вражеской технике, полученные за четверть века земным научным сообществом. Ученый свято верил, что будет единственным, кто в предстоящей катастрофе сумеет использовать эти знания по назначению.

Из брюзжащего старика Сайд мгновенно превратился в дальновидного и расчетливого военного стратега. Попрошачлся с прислугой и оставшиеся месяцы посвятил воплощению плана обороны. Оборона всегда легче нападения, требует меньше средств и дает массу преимуществ. Нужно уметь действовать в обороне, тогда можно творить чудеса выживания.

В первую очередь он создал запасы продовольствия. Затем оборудовал замок современными средствами дистанционного управления, чтобы иметь возможность реже покидать наблюдательный пункт. Обновил арсенал оптических приборов, закупил через подставных лиц составные части для сооружения оборонного комплекса. Установку и настройку взаимодействия пришлось выполнять самому. Обливаясь потом, стирая руки до кровавых мозолей, по разработанной схеме с утра до вечера зарывал в поле устройства обнаружения, детонаторы, заряды, отвлекающие и дезориентирующие приспособления. Магнитные детекторы, настроенные на определенную массу металла, дымовые маскирующие шашки, выстреливающие заряд на строго заданную высоту, все было рассчитано, испытано и приведено в полную готовность. Орудие защиты должно быть максимально надежно скрыто от противника, чтобы дать преимущество за счет эффекта неожиданности.

Оборона должна предполагать различные способы тактического отступления. Специфика противника не давала Сайду особого простора для выбора. Меньше всего шансов скрыться, передвигаясь по земле. Выписанный из Германии специалист по раритетным моделям самолетов две недели реставрировал оба биплана. Самый дорогой контракт за всю его карьеру и самый срочный. Хозяин лично совершал пробные вылеты, каждый раз беря с собой немца, что как нельзя лучше способствовало качеству работы мастера. После реставрации самолеты оборудовал новейшими радиостанциями повышенного радиуса действия. Наличие второго идентичного летательного аппарата только увеличивало шансы на успех.

Сэр Стивен Сайд рассчитывал использовать весь накопленный потенциал, чтобы подороже продать свою жизнь. Он трезво оценивал шансы и не закрывал глаза на возможность незапланированного развития событий. Наверняка знал только одно – пока будет биться сердце, он будет стремиться уничтожить тварей любыми способами. Надеяться можно только на себя, но он и знает себя лучше, чем кого бы то ни было. Эти монстры еще пожалеют о том, что сунутся в его владения, если только им доступно чувство жалости.

Треножник почти достиг своей цели. Грациозно переставляя поочередно гибкие ноги, начал восхождение на холм, вершину которого короной украшал древний замок. Одна из ног опустилась поблизости от небольшого клочка свежей земли, хорошо видимого на зеленом ковре с высоты птичьего полета. Магниты потянулись металлу, замкнули контакты детонатора. В то же мгновение раздался взрыв, перед грохотом которого спасовала шумоизоляция кабин бипланов.

Огненный всполох озарил треножник снизу, окутал облаком жирного, грязно-черного дыма. Легким ветром облако растрепало на обрывки и понесло в сторону. Гигантский механизм с пронзительным скрежетом валился на бок. Попавшая под взрыв нога была наполовину оторвана и не могла сохранить равновесие машины. Подталкиваемое взрывной волной, чудовище размахивало лязгающими щупальцами, пытаясь в агонии ухватиться за что-нибудь. Уцелевшие конечности не выдержали возросшей нагрузки, подломились, начали зарываться в землю, разбрасывая комья земли. Их механика была нарушена, и они уже не подчинялись запертому в кабине марсианину.

Подставив щупальца так, чтобы принять на них груз кабины, треножник рухнул как потерявший сознание слон. Из покореженных суставов хлестали струи зеленоватого пара. Несколько щупалец, также лишенных управляющих воздействий, кнутами били по земле, вырывая дерн. Кабина осталась цела, лежала на траве, подмяв полуоторванную опору.

Гибкая подвеска теплового генератора, осталась без повреждений и теперь поворачивалась над кабиной треножника, как бы стремясь нащупать виновника катастрофы. Помутневший от слоя пыли ящик генератора замер, нацелился в сторону замка. Люди в крылатых машинах, описывающих широкую дугу в небе над холмом, затаили дыхание. Намерения чудовища были очевидны, помешать ему сейчас никто не мог. Бледный луч, прошив облако оседающей грязи и дыма, тонкой иглой уколол ближайшую башню замка. Мгновенно раскалившиеся до красноты камни кладки не выдержали нагрева, разлетелись осколками, бомбардируя черепицу и устланный опавшей листвой двор. Верхушка башни обвалилась во внутренний двор, неровный край тлел, медленно остывая. В проломе виднелись ступени винтовой лестницы.

У Джека пересохло во рту. Он не знал, что предпринял астроном, когда они покинули башню, был ли там до конца, или спустился, решив все же спастись. Теперь, когда оба самолета в воздухе, осталось ли какое-то укрытие, способное защитить хозяина замка от поверженного, но не побежденного монстра? Пока действовал генератор луча, трагический исход был неотвратим.

«Чудовище не остановится, пока не сравняет замок с землей, – обреченно решил Джек, – мы ничего не можем изменить».

Оглушительный раскатистый рык прорезал подавленную атмосферу в салоне самолета. Приглушенный ровный рокот мотора потонул в раскатах призывного сигнала обездвиженного марсианина. Голос отчаяния и бешеной злобы призывал подкрепление. Чудовище до последнего надеялось, что не останется умирать у подножия холма с дымящимися развалинами.

Словно в ответ на звуковой сигнал, в небе над замком свернул солнечный зайчик. Красные крылья биплана Дикси предательски бликовали в лучах солнца. Пилот был не в состоянии представить все последствия маневров над сценой трагедии и сохранял курс, стараясь разглядеть происходящее внизу.

Джек рванулся к бортовой рации. Глаза шарили по панели в поисках рукоятки для настройки нужного диапазона передачи. Побелевшие пальцы вдавили кнопку на корпусе микрофона.:

– Дик, уводи самолет! – закричал он срывающимся голосом. – Тебя видно с земли! Нас всех видно с земли!

Пассажиры вздрогнули от крика и обернулись к Джеку. Они были как утки, поднятые из камышей, на которых смотрит в прицел неподвижно стоящий охотник. Только не было собаки, что побежит за подстреленной дичью и принесет хозяину. Холодный пот прошиб Джека, он с мольбой смотрел на летящий впереди самолет.

«Ну же, Дик, отворачивай!» – взмолился Джек и снова закричал в микрофон.

Красная четырехкрылая птица сверкнула лакированными плоскостями. Словно нехотя, повела крыльями, начала уходить на вираж. Профессор, следуя за ведущим, резко перекинул штурвал, чуть не сорвав самолет в штопор. Теперь они с каждым мгновением удалялись от ревушего внизу марсианина.

«Кажется, пронесло», – Джек облегченно выдохнул и попытался расслабиться.

Он обернулся назад, чтобы в последний раз посмотреть на территорию замка, все еще надеялся увидеть Сайда, сумевшего выскочить из-под обломков. Вместо этого Джек заметил тонкую бледную полосу, перечеркнувшую небо. Еще не понимая произошедшего, дернул головой в обратную сторону. В воздухе перед ними, в голубом просвете между громадами сияющих белизной облаков, распускалась черная роза. Огненная вспышка в ее сердцевине уже почти погасла, слабо играя багровыми отблесками на бурлящих дымных лепестках. Извивающимся бугристым стеблем уходил вниз шлейф, тянувшийся за пикирующей грудой оплавленного металла.

Джек закрыл глаза. Его обмякшее тело подпрыгнуло и тяжело ударилось о борт – профессор выполнял очередной маневр уклонения на грани фола. На заднем диване, вцепившись в боковые поручни, сидела бледная как смерть Аннет. Мистер Чи держался за спинку сидения Джека, напряженно следил за действиями Уотсона, будто взглядом помогая удерживать машину в повиновении. Самолет разминулся с начавшим терять форму дымным бутонем, нырнул в спасительную белую пелену, разом проглотившую его.

Глава 17

Немигающие от волнения, большие бледные глаза жадно впились в панель внутреннего обзора. Пот струйками тек со лба, заставлял вытирать лицо рукавом черной потрепанной туники. Жар от только что отработавших двигателей продолжал носиться по отсекам. Иррат заморгал, стараясь вернуть ясность помутившемуся зрению. Ему хотелось видеть все, до последнего мгновения. Затаив дыхание, снова приблизился к стеклу, продолжил напряженно вглядываться в неясные тени.

Неподвижные коконы амортизаторов свисали на растяжках подрамника совсем рядом. В слабом свете светильника можно разглядеть вполне отчетливо. Веретенообразные мешки напомнили Иррату добычу ненасытного маленького шилка, что плел ловчие сети в углах барака. «Какое меткое сравнение, – ухмыльнулся он. – Они и есть добыча, моя добыча. Моя победа».

Так все и должно произойти, абсолютно неотвратно. Возмездие всегда должно быть таким. Уже можно не ждать, сомнений нет, больше ничто не помешает. Он отодвинулся от панели. Все кончено, план сработал. Сейчас он увидит долгожданный результат.

«Я оказался прав тогда, Время указало мне правильный путь».

Под грузом внезапно навалившейся усталости медленно откинулся на спинку кресла. Теплое блаженство разливалось по уставшим мышцам, обмякшим под красноватой кожей. Только теперь можно будет позволить себе отдых. Впереди еще ждут гораздо более сложные этапы миссии, но всему свой черед. Сейчас пришло время для наслаждения успехом. Это можно себе разрешить, никто не имел бы права упрекнуть Иррата в легкомыслии после совершенного здесь. Но никто и не мог быть свидетелем его подвига.

Иррат старался не обращать внимания на назойливую рябь экранов – система кричала о вмешательстве в свои недра. На секунду прикрыл глаза, смутные цветные пятна поплыли перед сомкнутыми веками, рождая в воображении причудливые картины. Мысленно он снова вернулся к ненавистным тиранам, чьи трупы никогда не покинут коконы.

«Когда-нибудь эта участь постигнет каждого из них. Если только мы не отступим, и Время смилостивится над нами. И если мой план окажется не бредом доведенного до отчаяния раба. Нет, этого не может быть. Я больше не раб, и доказательство сейчас появится там, за переборкой. Я сделал это своими руками и никогда еще не испытывал ничего более восхитительного!»

Сладкая дремота кутала его мягкими покрывалами, заставляя прикладывать все силы, чтобы не провалиться в бездонный сон. Многоцветье истеричных всполохов на экранах диагностики внутренних систем стучалось в закрытые веки. Внутри родилась напряженная смесь предвкушения и решимости. Открыв глаза, он был уже готов воспринять момент триумфа.

Исполинский корпус содрогнулся от пришедших в движение огромных механизмов в задней части грузового отсека. Мрак на обзорной панели прорезал тонкий серп бледного света. Иглы звездных лучей проникли в начавшую расширяться щель, на полированных поверхностях корпусов машин сверкнули блики. Это длилось краткий миг. Затем удар убийственного

разряды атмосферы понесся от отверстия по отсеку, достиг ближайшей камеры слежения, и она сорвалась с креплений, пылинкой унеслась в круглую дыру люка. Панель погасла, Иррат спешно переключился на другую камеру.

Пустота высасывала все. Круглая крышка получила смещенный импульс, начала вращаться, то подставляя плоскость под солнечные лучи, то пропадая в черной тени. О крышку бились вылетевшие из внутренностей отсека сложенные опоры машин, кабины, контейнеры с запасными деталями. Держатели коконов не выдержали и сорвались. Волна смертельного холода приморозила ткань к тушам ненавистных созданий. Пять окаменевших свертков, беспорядочно крутясь и сталкиваясь с окружающим хламом, устремились в открытое пространство.

Иррат заметил, как вслед за ними рванулись десятки коконов поменьше, сцепившиеся креплениями с кусками внутренней обшивки, вырванной с мясом из стен.словно в бою, как и уготовано, последовали за хозяевами. Гибель соплеменников, превращенных безжалостным расчетливым разумом в послушных убийц, была неизбежным трагическим дополнением великой мести Иррата.

Вскоре отсек окончательно стал частью внешнего пространства. Иррат наслаждался зрелищем ободранного ураганом разгерметизации, опустошенного цилиндра, испещренной рваными шрамами блестящей поверхности грузового отсека. Он остался единственным живым существом в чреве гигантского снаряда.

Пространство коснулось внутренних стенок опустошенного отсека, многократно увеличенной поверхности, служащей теперь для охлаждения корпуса. Тепловой баланс, нарушенный работой Иррата, заметно исправился. Пилот нежился в наступившей прохладе.

Теперь цель полета должна принести Иррату и его народу спасение. Все свое умение предстоит использовать пилоту, чтобы уцелеть при посадке.

Он занялся анализом данных с датчиков ориентации. Лишившийся части массы снаряд приближался к огромному спутнику Теплового Мира. Предварительные расчеты указывали, что спутник выправит траекторию полета, увеличив шансы точного попадания. Но сейчас Иррат обратил внимание, что отклонение траектории стремительно выходит за допустимый предел. Изменения напугали его. Облегченный снаряд сильнее притягивался к спутнику планеты, не укладываясь в расчеты, его сносило в сторону от цели.

В панике Иррат вскочил из кресла, кинулся к пульту управления рулевыми двигателями. Привычным движением вытянул его на складной опоре, придвинул к кокону так, чтобы дотянуться рукой изнутри. Одним прыжком влетел в щель между складками ткани, развернулся, высунул руку наружу.

Хватка кокона усилилась, автоматика отреагировала на появление тела внутри мешка. Сообразив, что нужно будет видеть результат своих действий, Иррат успел просунуть во входную щель голову и расположить вторую руку так, чтобы быстро натягивающаяся ткань не пережимала горло.

Панель показывала растущее отклонение курса. Маркер текущего положения все дальше уплывал по сетчатой разметке от маркера цели. Иррат вцепился в рельефный округлый набал-

дашник рычага и дернул в сторону. Раскаленная струя вырвалась из носового двигателя. Корпус содрогнулся, убежище Иррата сильнее сжалось, отреагировав на боковое ускорение. Круглая отметка прекратила отдаляться от центра панели, остановилась в пересечении линий масштабной сетки. Нужно продолжать исправлять курс. Иррат приготовился к удару, снова отклонил рычаг.

Притяжение спутника старалось сбить снаряд с верного пути. Скорость полета стала увеличиваться. Каждая коррекция требовала от Иррата новых расчетов усилия при отклонении рычага. Цель почти полностью вошла в нужный квадрат сетки, можно было сделать перерыв. Неравномерные толчки утомили пилота. Он разжал руку и сделал шаг. Кокон отреагировал на движение, ослабил хватку, позволяя протиснуться в щель.

Удовлетворенная улыбка осветила покрасневшее сильнее обычного лицо. Еще один успешный шаг на пути к победе. Иррат устало опустился в кресло, в нетерпении пощелкал клавишами в поисках лучшего вида с камеры на носу снаряда. Цель снова впереди, она значительно приблизилась и при максимальном увеличении заполняла всю панель.

Иррат разглядывал необычайное зрелище. Теперь стало ясно, в чем причина такого необычного цвета, которым так манил Теплый Мир. Переливаясь всеми оттенками синевы, окруженная тончайшим туманным ореолом атмосферы, планета прикрывала материки белоснежным кружевом облаков. Огромные синие области, несомненно, покрыты водой.

Широко раскрытые от небывалых впечатлений глаза перескакивали от одной части изображения к другой, стремились схватить все сразу, не пропустить ни единой детали. Поглощенный каторжным трудом, Иррат уже долгое время не пользовался наружными камерами, исправлял отклонение по датчикам, стараясь не терять драгоценные минуты. Теперь у него была возможность наверстать упущенное, пока не пришел момент для последнего рывка.

Изумляла непохожесть Теплового Мира на родной дом. Только в некоторых местах удалось разглядеть пятна знакомого песчаного цвета и темные горные гряды. Обилие зелени на свободных от воды участках рождало тревогу. Иррат не знал, что это такое, но выжженные в памяти кошмарные ассоциации, связанные с зеленым цветом в его жизни, говорили, что Теплый Мир может быть смертельно опасен. Что-то шевелилось на краю сознания, что-то шептало, чтобы Иррат не спешил делать выводы, но рефлекс были сильнее. Он съезжился в кресле и постарался унять дрожь в руках.

Огромные пространства воды опять привлекли его внимание через некоторое время. После недолгого размышления над их природой волна тревоги нахлынула вновь. Простое предположение ошеломило Иррата – снаряд может упасть в воду! Подавленный открытием, он не сразу взял себя в руки.

«Так вот что могло случиться с предыдущей армадой! Что если Теплый Мир смог защититься от тиранов, просто сбросив снаряды в воду? И что случилось с теми снарядами, что летели впереди меня?»

Иррат понимал, что сложность проблемы, которую удалось успешно решить, могла оказаться не под силу тем пилотам, что летели в других снарядах. Наличие таких обширных водных пространств вселило надежду, что его товарищи могли использовать свой последний шанс,

чтобы добиться результата другим способом. Если, конечно, хоть один сумел устоять перед «разрушителем воли», как сделал это Иррат.

«Вот только рискнул ли кто-нибудь из них? Не побоялся ли, что все остальные последуют тем же путем, и народ Теплового Мира никогда не получит нашу мольбу о помощи? Как бы поступил я на их месте? Но теперь у меня нет такого выбора. Я добился своего, и моя задача – посадить снаряд на твердую поверхность, пусть даже и такую зеленую. Хватит ли зарядов в двигателях, чтобы суметь прицелиться?»

Голубой шар медленно вращался перед глазами. На видимую сторону начал выплывать большой участок суши, закрывая значительную часть поверхности. Иррат воодушевился, вероятность благополучного исхода возросла.

«Лишь бы только он повернулся ко мне нужной стороной. Я не смогу облететь кругом».

Цель становилась все ближе. Максимальное увеличение уже заставляло картинку выйти за край панели, так что Иррат заметно уменьшил масштаб. Он увидел, что материк имеет сильно вытянутую в направлении вращения планеты форму.

«Это прекрасно, тем проще будет попасть на него».

Край суши оборвался, показался небольшой клочок земли, отделенный тонкой полоской воды, а затем вновь началась бесконечная синь от полюса до полюса, прикрытая кое-где ажурными спиралями циклонов. Иррат ждал, пытаясь мысленно вычислить, каким боком повернется планета, когда придет время начать торможение. Вдруг вода кончилась, Иррат увидел два больших материка, соединенных тонкой перемычкой. Уверенность в успехе окончательно завладела пилотом. Такое чередование воды и суши позволяло направить снаряд, даже не тратя слишком много топлива.

Когда пришла пора лезть в кокон, планета успела совершить полный оборот. Снаряд снова был нацелен на обширный вытянутый материк. Иррат действовал спокойно и уверенно.

Щит приборов моргал предупреждающими зелеными глазками сигнальных огоньков. Последние мгновения до решающего маневра. Повинуясь указаниям датчиков ускорения, кокон уплотнился. Иррат принял знакомое положение, проверенное при облете спутника. Рука покоилась на рычаге тормоза.

Редчайшие молекулы верхних слоев атмосферы Теплового Мира ударили по корпусу. Температура начала возрастать, Иррат ощутил контраст между прохладной струей внутри кокона и воздухом, окружающим руку и голову. Повинуясь сигналам на панели наведения, он начал торможение. Громада снаряда забила в конвульсивных толчках. Атмосфера оказалась намного плотнее, снаряд с неохотой погружался как в кисель, снижение проходило слишком медленно. Пилот сильнее тянул рычаг.

Пот застилал глаза, воздух в рубке раскалялся с каждой секундой. Сеть обогревающих труб переключилась на охлаждение, но не справлялась с задачей так же, как не смогла справиться с обогревом. Недостаток воды в системе, выпитой Ирратом за все время полета, начал неумолимо влиять на качество ее работы. Взмокшая ладонь срывалась с рукоятки, пришлось до боли стиснуть кулак. Сквозь влажную пелену, застилавшую глаза, расплывчато прогляды-

вала главная панель с видом на планету. Изображение с внешней камеры тонуло в окружающем снаряд пламени.

Рискуя обварить руку, Иррат тянул рычаг изо всех сил. Лицо жгло, он перестал что-либо видеть. Не в силах больше терпеть, втянул голову в кокон под поток освежающего воздуха. Это было единственное место, которое автоматика еще могла контролировать. Стянутая оболочка не давала пошевелиться, чтобы вытереть лицо, пылающая в ожоге кожа прилипла к ткани.

Рука отказывалась слушаться. Вместо нее – ослепляющая боль, от которой нет спасения. Утратив на мгновение контроль над собой, Иррат ослабил хватку. Рука соскользнула с рычага, ударилась о ткань кокона, и тот захватил ее, прижал к телу, вытянутому струной в спасительной прохладе. Пилот уже был без сознания, исчерпав все резервы мужества и физических сил.

Сильнейший удар вогнал снаряд в землю почти на всю стометровую длину. Кокон полностью поглотил перегрузку, не вывел Иррата из беспамьятства. Вскоре мешок обмяк, но не раскрывался, пока не было попытки выбраться.

Корпус стремительно отдавал тепло окружающей земной толще. Покрытый окалиной, дымящийся бок снаряда лишь слегка выступал над мощным валом вывороченной из воронки земли.

Воздух внутри рубки пропитался вонью перегретой изоляции. Многие панели не выдержали сотрясение, покорежились, свисали покосившимися пустыми квадратами, лишённые энергии и крепкой опоры. Листы внутренней обшивки разошлись, обнажились переплетения проводов, шлангов, торчащих из щелей управляющих блоков. Тело снаряда стонало, разнося по боковым проходам эхо столкновения.

Зияющий круглым провалом вместо выброшенной кормовой крышки, грузовой отсек сместился от оси вращения из-за губительной потери жесткости корпуса. Стены снаряда деформировались так, что крепко запааянные перед стартом внутренние люки раскрылись, выпуская в земную атмосферу жар из боковых проходов и носовой рубки. Запах гари и испарений почвы проник внутрь.

Глава 18

Глухой гул мотора, удерживающего заданные обороты, доминировал в маленьком салоне. Профессор держал курс в Европу, выяснив по карте направление на Пикардию, ближайшую французскую провинцию по ту сторону пролива. Изредка бросал взгляд на планшет, сверялся с компасом. Плотный слой низких облаков, плывущих под самолетом, надежно скрывал полет. Неумолимо приближался невидимый и спасительный Ламанш.

Пассажиры молчали, каждый пытался разобраться в собственных мыслях. Две смерти, одна геройская, самоотверженная, другая нелепая и случайная, заставили очевидцев трагедии погрузиться в себя.

«Как же так, Стив? Неужели я не знал тебя? Как ловко ты провел нас, заставил сбежать, чтобы мы не помешали».

Профессор Уотсон испытывал сложную смесь ощущений. Это была и жгучая горечь утраты товарища, с которым вместе работал половину жизни, и досада оттого, что не удалось сказать так много важного. Сюда примешивалось редкой силы удивление, вызванное резкой метаморфозой, произошедшей с Сайдом в последнюю минуту перед расставанием.

«Какой же ты хитрец, Стивен! Ты всегда был себе на уме, но такого фокуса я от тебя не ожидал. Это достойно истинного гения. Как легко я поверил, что ты все тот же ворчливый отшельник. Я нарушил твой план, ворвавшись к тебе, но ты сумел выкрутиться. Блестящая импровизация! Как в молодости».

Уотсон слегка крикнул от восхищения, но его мимолетное оживление осталось незамеченным.

«Но как я дал маху! Следовало догадаться, еще когда мы вошли в ангар. Самолеты в идеальном состоянии. Оба как новые. Хлам, говоришь, ворошил? Молодость вспоминал? Говоришь, пыль стереть и вперед? Нет, дружище... Ты не только стер пыль. Ты кучу времени угробил, чтобы эти колымаги смогли взлететь. Это был главный твой козырь».

Он еще раз оглядел салон, перехватил удобнее штурвал, проверил приборы. Аппарат вел себя безупречно, как в старые добрые времена.

«Ты сделал королевский подарок, пожертвовав нам это сокровище. Я никогда не забуду этого. Но был ли у тебя запасной вариант? Клянусь лысиной, был. Эти мины в поле, эта батарея телескопов... Я мог бы заподозрить, что эти телескопы не для наблюдений за небом. Я же видел твои аппараты в работе, они были совсем другого масштаба. Проклятье! Я словно ослеп, когда ты стал спорить со мной. Ты же специально заморочил мне голову, чтобы я не догадался раньше времени и не сорвал тебе приготовления. Ты не ждал меня. Ты собирался защищать свою жизнь, но так решительно расстался с ней ради спасения моих идей».

Профессор ощутил проблески предчувствия, какие бывали у него в шаге от открытия. Он крепче сжал штурвал, мысли вдруг приковали все его внимание.

«Значит ли это, что ты признал мою правоту? Должен ли я расценивать твою жертву, как доказательство ценности моих выводов?»

Это твое послание мне – я должен донести свое открытие до людей там, на той стороне. Теперь я понимаю. И еще один человек уже отдал свою жизнь, помогая мне. Как жаль этого мистера Дикси, такой преданный молодой человек».

Воспоминание о гибели их спутника вызвало у Уотсона прилив сочувствия к новым товарищам. Он постарался незаметно повернуть голову и оценить состояние соседа, но так, чтобы не потревожить его. Было бы не лишним проявить сострадание сейчас, когда стало сравнительно спокойно. Однако вид спутника говорил, что пока не время. Джек смотрел вперед невидящими глазами. Лицо было отрешенным и расслабленным. Ученому показалось, что в состоянии Джека было что-то общее с медитацией или трансом. На коленях актера по-прежнему лежал блестящий ящичек радиоприемника, бесполезный из-за потери заряда батареи, но служивший символом надежды, указавшим цель их путешествия. Полированные ползунки на корпусе отбрасывали крошечные блики на перепачканные пальцы.

Внутренний мир Джека рвался на куски вихрями отчаяния. Водоворот событий последних двух дней привел в беспорядок всю систему его жизненных ценностей. Реакции на некоторые вещи были не свойственны ему, в других же ситуациях он вел себя удивительно хладнокровно. Окружающий мир пугал Джека, но иногда гораздо сильнее пугали собственные мысли. Он словно в потемках бродил кругами в мешанине своего сознания, возвращаясь раз за разом к одним и тем же мыслям.

«Какая нелепость. В шаге от спасения его убило чертово солнце. Как утка на взлете. Мы все были как утки. Чудовищное болото с трехногими железными цаплями. Это не реальность, а кошмарный сон, в котором нет выхода. На нас опять напали осьминоги на железных цаплях. Я схожу с ума...»

Слизистую глаз защипало, подсознание спохватилось, заставило моргнуть. Движение повлияло на ход мыслей.

«Две жизни за четверых. Мы спасены, но есть ли в этом смысл? Почему я должен жить, а Дик нет? А этот безумный астроном? Какой дьявол заставил его остаться там, как бельму на глазу этой твари? Он хотел принять бой? Идиотское рыцарство! Англия сошла с ума. Эти монстры хозяйничают в сумасшедшем доме. Какой смысл был спасаться оттуда, нести безумие на континент? Куда мы летим?»

Самолет качнуло в воздушной яме. Пальцы Джека скользнули по прибору на коленях, отдернулись от прохладного металла. Легкое воздействие извне чуть отрезвило.

«А девчонке все нипочем. Женский порог чувствительности? Выход за пределы прочности, когда лучше не возвращаться? Нет, тут другое. Молодость дает себя знать. Ей еще нечего терять, она и пожить не успела. Вот причина. Она приземлится и станет рассказывать о приключениях. Опять будет щебетать, как всегда, окруженная толпой поклонников.

Успела ли она понять, что за время наступило? Бедняга Дик говорил – она руководила отрядом, пока я был в коме? Неужели, даже его тогда коснулось безумие? Что за фантазии? Хочу домой во Францию – вот были слова истины. Женщине не место среди мародеров и

трупов. Понимает ли она, как ей повезло сейчас? Надо бы подбодрить ее, хоть затем, чтобы взбодриться самому. Глупый самообман, но что мне остается делать?

И нет больше верного Дикси. Как не хватает сейчас его простодушной бодрости. Что может быть нелепее? Две недели выживать в самом пекле, весь опыт собрать в кулак, чтобы мы вырвались оттуда, и испариться по дикой случайности, когда уже все позади. Счастье, что он ничего не почувствовал. Бедняга Дик..."

Джека понесло на очередной виток мысленного хоровода. Радость спасения, горе утраты, жалось к Аннет, удивление поведением китайца, загадочность фигуры Уотсона, необъяснимое безрассудство угрюмого астронома, все это штормовыми волнами накатывало на давшие трещину стены самозащиты Джека.

«Что же было такого в этом Сайде? Жгучее презрение ко всем, кто игнорировал его предупреждения. Безоглядная уверенность в своей правоте. Озлобленность на упивающихся наступившим всепланетным миром. Нежелание покидать родовое гнездо даже под прицелом луча. Такая спокойная решимость перед лицом смерти. Нет, это не рыцарство, это что-то другое».

Он глубоко и медленно вздохнул. Порция кислорода освежила кровь, мысли продолжали обретать четкость.

«Что сделал Дик? Он показал, что перед смертью все равны. Что сделал Сайд? Довольный, смотрел, как умирает враг, и спасаемся мы. А что сделал я? Сбежал с острова, в компании старика и женщины».

Невыносимая тяжесть презрения к себе навалилась на Джека, заставила сгорбиться. Невольный стон сорвался с пересохших приоткрытых губ, но потонул в рокоте мотора. Цепь волнующих логических выводов стала выстраиваться в голове, уводя в незнакомые доселе области мироощущения. Ему стало жарко, то ли от энергии происходящих в нем изменений, то ли от падающего из бокового окна не по-осеннему теплого солнечного луча.

Тот же свет огнем горел в рыжих прядях на голове Аннет. С холодным сосредоточением она следила за проплывающими облаками. Белоснежные горы, медленно оплывающие и вздымающиеся под воздействием конвективных потоков воздуха, идущих от пролива, действовали на нее успокаивающе. Это движение небесных громадин будет вечным, даже марсиане не могут повлиять на него. Это то, что у человечества не отнять никогда. Воздушные замки над головой.

Легкая качка на воздушных волнах умиротворяла девушку. Аннет рассматривала прошедшие события, как читают новости в старой газете, с ощущением, что все это давно в прошлом, но что-то в спешке упущено из вида. Что-то, что еще может повлиять на ход событий в настоящем или будущем, если провести еще один анализ, бросить еще один внимательный взгляд.

«Все было хорошо, пока Джек был в коме. Не было его досаждающего сарказма и показного цинизма. Почему это меня всегда заводит? Он прекрасно знает это, просто грубо повторяет один и тот же прием. Пока он спал там, в подвале, было гораздо спокойнее».

Бугристая сверкающая гора начала пучиться на фоне синевы горизонта. Аннет скользнула по ней взглядом и вернулась к размышлениям.

«Все время, пока мы знакомы, он не давал мне проявить себя, как будто я ничтожная статистка, недостойная серьезных поступков. Дурацкая звездная болезнь, как это все очевидно и предсказуемо! Молодым актрисам никогда не избежать этой дискриминации. Хорошо, что я была готова с самого начала.

Единственный мудрый поступок совершил, и то сопротивлялся, когда вытащил меня из кинотеатра. И как я поверила в эту чушь про спецэффекты?

Повезло, что Дикси не подвел. Мне всегда казалось, что этот телохранитель куда порядочнее и расторопнее самого Джека. Хорошо, что он не пострадал во время аварии, иначе грош цена была бы моей интуиции без его исполнительности. Уговорить остаться в том подвале было очень просто. Кома Джека оказалась отличным поводом. Где бы мы были, если б не она?

И аптекарь очень удачно подвернулся в тот раз. Хорошо, что удалось убедить его остаться с нами. А этот самодовольный тип даже не поблагодарил меня за это, когда очнулся. Сразу начал планы строить, командовать. Даже слова не давал сказать. Почему ему взбрело в голову, что он должен распоряжаться всем? Видите ли, это ему в голову приходят прекрасные идеи. Он даже ни разу не стоял в карауле, не видел, как толпы сумасшедших бродили в первые дни вокруг. Уж он наверняка раскрыл бы наше убежище. Только и может, что рот затыкать».

Девушка начала распяляться, но внешне не подала никаких признаков возмущения. Только сильнее повернулась к окну.

«А эта его выходка в магазине? Как вспомню, тошнит. Это же надо до такой гнусности опуститься, обобрать беднягу, пока тот без сознания. Вот когда раскрылась вся его подлость. Надо было раньше понять, что он только о себе и думает. Поделом ему, что нарвался на патруль. Пусть бы там и остался, так нет же. Если бы не эти пушки, валялся бы сейчас, высосанный до последней капли».

Аннет прищурилась посмотрела на затылок Джека, видневшийся над краем спинки сиденья. Он не шевелился. Вступать в очередную перепалку просто не было сил. Изучать кучевых колоссов за бортом намного приятнее.

«И как он только справился с пультом на вокзале? Вот уж не думала, что он способен на что-то, кроме своих однообразных гримас перед камерой. Стоило ли его успокаивать там, в паровозе? Ладно, пожалуй в тот раз стоило. Иначе не узнали бы, что с этими патрулями. Какой кошмар... Бедные парни... Интересно, почему профессор проявил такое внимание к этим солдатам? Аж дыхание затаил, когда слушал. Нужно обязательно это выяснить».

Аннет решила было обратиться к Уотсону, но сообразила, что не стоит сейчас отвлекать старика от управления. Все же лететь на такой высоте, в маленькой тесной машинке – это очень опасное и сложное занятие. Особенно для пожилого человека, столько пережившего сегодня утром. Профессор как раз вел самолет по пологой дуге, облетая стороной очередное скопление облаков, высоко выступающих наверх из непроглядного пушистого покрова под ними.

«Вот скоро и Франция! Милый дом... Какое счастье, что мы летим туда. Все-таки сбылись обещания этого надменного мужлана, нам повезло найти способ переправиться через пролив».

Она все не могла успокоиться и унять возмущение. Чтобы взять себя в руки, привычным движением заправила локон за правое ухо. Это будничное действие придало немного естественности обстановке и позволило справиться с волнением.

«А мне понравилось руководить отрядом. Есть в этом что-то... возвышающее... Это было приятно, меня слушались».

Лицо Аннет приобрело довольный оттенок, но тут ей показалось, что кто-то смотрит на нее. Сидящие впереди не шелохнулись. Она повернулась к мистеру Чи. Китаец спал, сложив руки на груди и прислонив голову к стенке кабины. Пестрые шелковые складки рубахи изящно переливались в такт ровному дыханию. Драконы, казалось, бесконечно повторяли однообразные па, то наклоня головы, то расступаясь в стороны.

«Какой все-таки странный человек. До сих пор не понимаю, что у него на уме. Неужели, они там все такие? Надо обязательно узнать о нем побольше».

Интуиция, то самое женское чутье, которому она всегда, не раздумывая, следовала всю сознательную жизнь, подсказывало, что мистер Чи не отправится на родину в Шанхай после их приземления. Аннет Пети точно этого не сделала бы, ведь разворачивающиеся события давали захватывающие перспективы и великий простор для новых ощущений.

Глава 19

Была ночь, когда извергающая зеленоватое пламя стремительная комета разорвала черное, в сверкающих искрах, небо и обрушилась на умиротворенно молчавшую, бескрайнюю долину Вермандуа. Бешеный натиск горячей ударной волны испепелил редкие раскидистые клены вместе со стаями ворон, дремавших в багрово-красных кронах. Отдаленные деревья вспыхнули сигнальными факелами, в разрываемый бушующими вихрями ночной воздух взвились зловещие черные клубы дыма.

Массы земли взметнулись ввысь, раскаленным дождем осыпались на начавшую увядать осеннюю траву. Воронку накрыло облаком бурлящей пыли. Жухлые кочки занялись огнем, образуя вокруг воронки отчетливое, светящееся точками кольцо, хорошо заметное с птичьего полета. Долина зарделась зловещим узором из пылающих костров, врассыпную разбегающихся от чадающей воронки диаметром более половины километра. Кольщущееся марево жаркого воздуха расплылось над остывающим обгорелым корпусом снаряда, заставляя созвездия отплясывать на небосводе дикие, тревожные танцы.

Подземный родник, стремившийся по незримой артерии к местной реке, оказался раздавлен снарядом и теперь выплескивал ледяную ключевую воду на обугленные бока пришельца. Пар прорывался по щелям вдоль округлых стен, мощными струями бил в пыльную шапку, накрывшую долину. Корпус цилиндра стонал от неравномерного охлаждения.

В паре километров к юго-западу горизонт заслоняла чернеющая стена древнего леса Буаде-Холнон, отделенного от места падения дорогой, связывающей Верман и Холнон. Над лесом кружили взбудораженные птицы.

Землетрясение долгим эхом прокатилось на многие километры. В домах отдаленных деревень задребезжали стекла, вырывая из беспокойного мимолетного сна людей, живущих в томительном, угнетенном ожидании страшных марсианских атак.

Население Европы сутками без отдыха готовилось принять вызов. Всеобщая мобилизация после падения первых же снарядов на британские острова, была лишь самым началом вихря общественных перемен. Волей случая получив некоторую отсрочку, европейцы спешили приложить все усилия, чтобы использовать для приготовлений каждую секунду. Угроза падения снарядов на территорию континента невыносимой тяжестью давила на любого. Тысячами люди сходили с ума во время припадков пессимистической обреченности. Миллионы потеряли сон и способность трезво оценивать ситуацию.

Остатки надежды на избавление от угрозы сохранились в наибольшей степени среди военных кругов. Вооруженные силы Франции, оказавшиеся на переднем краю линии обороны, были поставлены в самое невыгодное положение. Реакцией на это было проявление редкой по количеству мероприятий активности, направленной на усиление боеготовности, повышение уровня оптимизма, граничащее временами с полным пренебрежением реальной опасностью.

Одним из способов призвать население к сплочению и подъему духа была круглосуточная трансляция пропагандистских радиопередач, созывающих людей под крыло вооруженных сил, заверяющих в возможном успехе ответной наступательной операции. Многие откликну-

лись. Со всех концов объединенной Европы стягивались неугомонные активисты и простые граждане, не желающие смириться с намерениями агрессора, стоящего у порога.

Катастрофический недостаток сведений с захваченной территории приводил к рождению порой совершенно безумных проектов освобождения поработенных соседей. Первые же попытки получить разведывательную информацию, направляя самолеты за пролив, потерпели сокрушительное фиаско. Самолеты не возвращались. Это привело к расколу в рядах зарождающегося сопротивления, в результате которого в штабе остались только непоколебимые оптимисты. Они проводили дни и ночи, разрабатывая нескончаемые планы ответных ударов, масштабных общевойсковых операций, предназначенных для молниеносного подавления захватчиков. Отколовшееся крыло оппозиции настаивало на необходимости выжидания, упирая на то, что истории свойственно повторяться, что нужно только потерпеть, пока губительные бактерии снова сделают свое дело.

Астрономы продолжали фиксировать падения снарядов на территории Великобритании. Непрерывной чередой они следовали уже две недели, каждую ночь с дьявольской аккуратностью проносились в вышине, обрушиваясь на агонизирующие острова за проливом. Однако никаких действий по отношению к Европе не предпринималось. Все сохранившие способность к анализу, терялись в догадках, почему чудовища не стремятся расширять границы. Решения, принимаемые нечеловеческим разумом, были недоступны для понимания напуганными, балансирующими на краю истерики людьми.

Сторонники активных действий стали одерживать верх, упирая на то, что при очевидном постоянном притоке новых сил агрессоров, бессмысленно надеяться на повторение прошлого. Давление ожидания катастрофы росло с каждым часом. Известие о падении снаряда на территории Франции, в Пикардии, разнеслось с быстротой молнии, вызвав, к огромному удивлению многих чувство нездорового облегчения. Естественная реакция разрядки. Военные получили долгожданный сигнал к действию.

Передовой разведывательный отряд мчался к воронке, не жалея обмоток в электродвигателях десантных машин. Основные части, сдернутые боевой тревогой с места дислокации в Лане, следовали чуть позади. Артиллерийская батарея, расквартированная в этом местном административном центре, первой получила донесение о точном месте падения снаряда. Последний утвержденный план оперативного реагирования предполагал выдвижение в район нахождения снаряда и его немедленное уничтожение перекрестным артобстрелом.

Под ровное гудение мотор-колес группа разведки прибыла на участок дороги, проходивший по небольшому возвышению, и съехала с проезжей части в низину, чтобы использовать рельеф как естественное укрытие. Рассвет еще только начал обливать багрянцем верхушки крон могучих берез и дубов, сплошной стеной стоявших за спинами солдат, четкими движениями готовящих походный наблюдательный пункт. В первую очередь были установлены перископы и подключена радиостанция для поддержки связи с командиром основных ударных сил. Майор Гаспар любит расторопность.

Двое наблюдателей напряженно всматривались в окуляры с просветленными линзами, медленно поворачивая перископы, чтобы охватить всю панораму. Впереди зловещими дымными столбами подпирали небо обгоревшие деревья. Отвалы черной рыхлой земли вперемешку с вырванными деревьями четко обозначали границы гигантской воронки. Стая ворон кружила над равниной в поисках поджаренных небесным огнем несчастных грызунов.

Наблюдатели помнили наизусть, что следовало ожидать после падения марсианского снаряда. Очередность событий, приблизительный хронометраж, возможные последствия были тщательно изучены и помещены в многочисленные армейские учебники и справочники, по которым обучались уже несколько поколений выпускников военных академий. Быстроту нанесения предупреждающего удара поставили во главу угла. На то, чтобы перейти к активным действиям после остывания корпуса, у марсиан были примерно сутки. Незадолго до этого начала отворачиваться крышка в задней стенке корпуса. Пришельцы, скрывающиеся под ней, готовились к выходу наружу заранее, распаковывали детали боевых машин и инструменты, чтобы быстрее собрать их под открытым небом. Совершенно точно установлено, что первым механизмом, появляющимся над краем кратера, всегда было перископическое устройство, служащее чудовищам и как средство наблюдения, и как система параболических зеркал для направления луча от наскоро подсоединенного снизу генератора.

Земляне имели мало шансов на успех атаки, если вращающееся на выдвижной штанге зеркало уже появилось над кучами взрытой земли. Отработанные на многочисленных учениях действия по ускоренному прибытию на место удалось успешно выполнить в боевой обстановке. Командир группы удовлетворенно отметил, что график соблюден с опережением, о чем немедленно доложил начальству, приближающемуся по той же дороге в составе колонны тяжелых гауссовых минометов. Оценка обстановки позволяла сделать выводы, что можно перейти к установке двух артиллерийских точек для ведения перекрестного огня.

Через пять минут мимо наблюдательного пункта пронеслись машины с зачехленными прицепами, под которыми угадывались контуры коротких стволов. Шелестели бронированные шины, приглушенно гудели электромоторы. Ударная группа левого фланга стремилась занять позицию в полукилометре дальше по дороге. На правом фланге такие же минометы были уже расчехлены. Опорные лапы выдвигались растопыренными пальцами, чтобы вцепиться в почву и создать достаточную площадь опоры для орудий. По командам наводчиков расчеты корректировали прицелы, задирали в небо раструбы с нанизанными катушками. Навесная траектория предпочтительна для обстрела цели, окруженной таким высоким защитным валом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.